

Мастер ветров и закатов

Автор:

Макс Фрай

Мастер ветров и закатов

Макс Фрай

Сновидения Ехо #1

Самый популярный автор начала XXI века Макс Фрай дарит своим поклонникам новую серию книг! Таким образом, фантастические повести о приключениях сэра Макса, работника Тайного Сыска в городе Ехо «Лабиринты Ехо» и «Хроники Ехо», пополнилась очередным шедевром – «Сновидения Ехо». Сэр Макс, сидя в башне на крыше Мохнатого Дома, затягивает читателей в новый круговорот приключений и загадок, магии и колдовства. «Создав новую Вселенную, я немного заскучал», – отличная, по-моему, первая фраза, – пишет Фрай. – Попадись мне в свое время книга, которая так начинается, я бы вцепился в нее мертвой хваткой и прочитал от корки до корки – просто из любопытства». Читатель, если вы любите путешествовать по новым мирозданиям, то обязательно вцепитесь в это творение, и тогда вечная тайна мира – мира сновидений – откроется вам. Итак, история начинается словами: «Утро началось с того, что на пороге спальни я споткнулся о собственный труп...».

Макс Фрай

Мастер ветров и закатов

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

* * *

От автора

Есть несколько вещей, которые надо сказать прежде, чем приниматься за истории.

Меня зовут Макс, и сейчас я сижу за столом в своем кабинете – в башне на крыше Мохнатого Дома. Дом называют «мохнатым», потому что его снизу доверху оплело вьющееся растение, название которого я так и не смог выучить за долгие годы обладания этой недвижимостью. А теперь, мне кажется, это уже вопрос принципа – его не знать.

Важно, впрочем, не это. А то, что окно моего кабинета распахнуто настежь. Там, за окном, у нас сейчас осень. Там дует ветер с Хурона, еще не холодный, но уже свежий. Я рад за него. Я примерно представляю, как это приятно – дуть.

В отличие от ветра, я сижу за столом. И намереваюсь продолжать в том же духе еще какое-то время. Потому что рассказывать истории – это, как выяснилось, немаловажная часть моей работы.

Поскольку я вполне добросовестно занимаюсь этим уже не первый год, вы наверняка знаете обо мне даже больше, чем я сам, потому что моя память – не самая надежная штука. Местами такая цепкая, что я, к примеру, до сих пор могу практически слово в слово воспроизвести некоторые необязательные разговоры с малознакомыми людьми, зато если вы спросите, чем я занимался позавчера, велика вероятность, что я промывчу что-то неопределенное, раздраженно махну рукой и умолкну – в точности как человек, который пытается вспомнить, что ему снилось.

Или кому снился он сам – это больше похоже на мой случай.

Со мной вообще все довольно непросто – в том смысле, что у меня даже биографий несколько. Все до единой правдивые, если верить моим воспоминаниям. А верить им приходится, если не хочешь вдрызг разругаться с собственной памятью.

Я – не хочу. У меня вообще не особо склочный характер, хотя я знаю пару-тройку человек, которые будут с удовольствием утверждать обратное. Но я настолько покладист, что не спорю даже с ними.

За свою сравнительно недолгую, но при этом, похоже, бесконечную, во все стороны сразу делящуюся жизнь я успел побывать целой толпой удивительных существ, спасти от неведомо чего пару-тройку реальностей и отдельных людей, увидеть овеществленными свои самые любимые сновидения и несколько раз сойти с ума, то от горя, то просто от избытка могущества, а потом прийти в себя – насколько это вообще возможно в моем случае.

А теперь я твердо намерен выкинуть все это из головы и снова попробовать стать старым добрым сэром Максом из Echo, потому что нигде и никогда я не был так счастлив, как в его шкуре.

Самому интересно, что из этого получится.

Мастер ветров и закатов

«Создав новую Вселенную, я немного заскучал», – отличная, по-моему, первая фраза. Попадись мне в свое время книга, которая так начинается, я бы вцепился в нее мертвой хваткой и прочитал от корки до корки – просто из любопытства. А теперь я испытываю огромный соблазн начать так свою историю. Но мне не позволяет совесть.

Во-первых, мне все-таки кажется, что никаких новых Вселенных я не создавал. Честно говоря, я вообще не знаю, как это делается. С чего хотя бы следует начинать? Предложите мне создать еще одну Вселенную, и я тут же сяду в лужу на глазах у восхищенной публики. Ну или не сяду. Но только потому, что поневоле научился выкручиваться в безвыходных ситуациях. Человек, которого приперли к стенке, способен абсолютно на все. А я у этой стенки, можно сказать, живу.

Но в данном случае я и правда почти ни при чем. Просто город, который я часто видел во сне, вдруг решил овестествиться наяву. Сам решил, я его не заставлял, не стыдил, ногами не топал. Даже голос ни разу не повысил. А начав, он так рьяно взялся за дело, что отрастил вокруг себя целую новехонькую обитаемую реальность. Что, в общем, только к лучшему. Глупо было бы, если бы город остался болтаться в полной пустоте. И куда, скажите на милость, ездили бы его жители на выходные? С кем бы они торговали? И о чем рассказывали бы детям на уроках географии?

Вот и я не знаю.

Что касается меня, я просто при этом присутствовал. И рад, если сумел быть немного полезен. Хотя, с моей точки зрения, я всего лишь прекрасно проводил там время, сев на шею гостеприимным хозяевам «Кофейной гущи», ведрами хлестал божественный Франков кофе, встречался со старыми друзьями, по мере сил приводил в порядок голову и все, что к ней прилагается. Отличный вышел отпуск[1 - На этом месте автор внезапно понял, что внятно пересказать краткое содержание предыдущих серий, то есть восьми томов цикла «Лабиринты Ехо» и еще восьми «Хроник Ехо» в формате пояснительной сноски без применения триста семнадцатой ступени Очевидной Белой Магии решительно невозможно. А потом вспомнил, что наивысшая возможная ступень - всего лишь двести тридцать четвертая. К тому же овладевших ею колдунов за всю обозримую историю Мира можно пересчитать по пальцам. Поэтому читателю придется или самому перечитать эту кучу книг, или просто не париться. Тем более для того, чтобы не париться по пустякам, вполне достаточно всего-навсего семнадцатой ступени Белой Магии; это как раз довольно простой фокус, напомниме как-нибудь на досуге, я вас научу.]. Если именно так создаются новые Вселенные, я готов заниматься этим и дальше.

Во-вторых, я вовсе не заскучал. Возможно, это случилось бы со мной чуть позже. Лет, например, через тысячу. Хотя, честно говоря, не представляю, как можно заскучать в новехонькой реальности, о которой еще ничего не знаешь. Где даже собственный город толком не изучил. До некоторых окраин, к примеру, так и не добрался. И даже к ближайшему морскому побережью не успел съездить. О каких-нибудь дальних странах вообще речи нет, их я не успел даже вообразить. Что совершенно не помешало им появиться – по крайней мере, на географических картах, а картам я верю свято.

В-третьих, если слово «заскучал» используется в смысле «затосковал по...», определение «немного» становится таким чудовищным преуменьшением, что впору приравнять его к клевете. Потому что моя тоска по Ехо была столь велика, что я ее почти не чувствовал, как не чувствует боль человек, потерявший от нее сознание. Моя тоска по Ехо не помещалась в меня, вот в чем штука. Счастье, что я научился ее игнорировать, а то бы не уцелел. А так думал – никогда не вернусь в Ехо, и ладно. Зато жив и даже более-менее в своем уме, зато коротаю дни на дне сладчайшего из своих сновидений, еще и друзья приходят навестить, таскают гостинцы, рассказывают свежие новости, а такого, пожалуй, даже с праведниками в раю не случается, одному мне повезло.

И только вернувшись в Ехо, я осознал, как сильно этого хотел. Сам думаю, что глупо так привязываться к городу, населенному пункту, который с точки зрения человека здравомыслящего вообще не субъект, а просто место действия. Но любовь – это, похоже, вовсе не вопрос сознательного выбора. Когда включается сердце, здравый смысл летит в тартарары, которые, по моим прикидкам, уже забиты им доверху.

А теперь, когда я объяснил, почему при всем желании не могу начать свою историю с эффектной фразы: «Создав новую Вселенную, я немного заскучал», – придется начать ее как попало. То есть откуда-нибудь с середины. Мне так легче, а у вас просто нет выбора. Все равно никто, кроме меня, вам этого не расскажет.

А я расскажу.

* * *

Утро началось с того, что на пороге спальни я споткнулся о собственный труп.

То есть поймите меня правильно. Я не самое изнеженное существо на обоих берегах Хурона. Нервы мои все еще отличаются от металлических тросов, но разница постепенно перестает быть существенной. К тому же трупы вызывают у меня скорее симпатию, чем негодование: обычно они смиренно лежат на месте и жизнь окружающим особо не портят. Козней не строят, интриг не плетут, убегать не пытаются и даже над душой, требуя безотлагательно заняться их делами, не стоят. Все бы так себя вели.

Поэтому труп на пороге спальни – вовсе не тот предмет, который способен всерьез выбить меня из колеи. Но только при одном условии – если мне сперва дадут выспаться, а потом кружку камры. Или кофе, или крепкого чая, да чего угодно – когда регулярно меняешь место жительства, перебираясь из одной реальности в другую чаще, чем с квартиры на квартиру, поневоле сделаешься неприхотлив. Лишь бы напиток, с которого начинается утро, был горячим и ароматным, а его вкус умело балансировал между сладким и горьким, как сама жизнь, очередной день которой только что начался.

После нескольких неторопливых глотков жизни, данной мне в приятных ощущениях, я готов окончательно продрать глаза и встретиться лицом к лицу с любым количеством трупов, в том числе похожих на меня как две капли воды. Двойники, кстати, даже лучше, чем незнакомцы, собственная рожа меня умиротворяет и успокаивает, как всякое привычное зрелище. Особенно если ее не надо вот прямо сейчас брить.

Однако этим утром обстоятельства сложились не в пользу раннего визитера. Поспал я всего пару часов, а это, на мой вкус, гораздо хуже, чем ничего. Потому что тот, кто не спит вовсе, по крайней мере избавлен от мучительного момента пробуждения. Жаль только, что этот аргумент совершенно не действует на меня в тот сладостный миг, когда голова касается подушки, лживо бормоча: «Я на секундочку». Впрочем, по ощущениям всегда выходит именно что «секундочка», и это обидней всего.

К тому же, кое-как продрав глаза, я не нашел у себя в спальне тонизирующего бальзама Кахара, который способен не только поднять мертвеца из могилы, но

даже разбудить меня. Специально для подобных случаев я и держу его под рукой. Надо понимать, бутылку с бальзамом вероломно вынули из старого домашнего сапога, который я остроумно приспособил под ее хранение, и поставили, как говорят в таких случаях, «на место» – например, на одну из кухонных полок, или в кладовую на другом конце дома, или вообще унесли на чердак. Главное, чтобы владелец как можно дольше не смог добраться до нужного предмета и использовать его по назначению. В этом, надо понимать, и состоит тайный мистический смысл «наместа».

Всегда считал, что от уборки вреда больше, чем пользы. Чистота сама по себе штука приятная, но за наведение так называемого «порядка», на мой взгляд, следует отдавать под суд. Был бы я в Ехо, когда мои друзья вовсю развлекались поправками к Кодексу Хрембера, непременно внес бы соответствующее предложение. Однако возможность была упущена, и теперь уборку время от времени устраивают даже в моей спальне – в надежде, что я просто не замечу. Обычно я и правда не замечаю, но порой наступает момент, когда я оказываюсь лицом к лицу с ее трагическими последствиями. Как, например, сегодня.

Поприветствовав столь прекрасное начало дня приличествующими случаю трудновоспроизводимыми сочетаниями малоупотребительных слов, я побрел в бывшую Малую Летнюю кухню, а ныне подсобное помещение, куда обычно стаскивают остатки наших аскетических ночных пирушек в гостиной и прочие собранные по всему дому съестные припасы. Надеялся обрести там если не павший жертвой наведения порядка волшебный бальзам, то хотя бы холодные остатки вчерашней камры. От чашки кофе сейчас было бы больше толку, но добыть кофе в этом Мире можно только колдовством – сунув руку в Щель между Мирами, откуда лично я способен извлечь абсолютно все, что угодно, по крайней мере теоретически.

Вообще-то этот фокус уже давным-давно перестал казаться мне сложным. В нормальном состоянии я проделываю его почти машинально. Но спросонок, да еще и не в духе в Щель между Мирами мне лучше не лазать, это я твердо уяснил несколько лет назад, когда как однажды после очередной бессонной ночи извлек оттуда ядовитую жабу. Еще и ловить ее потом пришлось по всему дому. И руку от ожога лечить. И ощущать себя конченным придурком – тоже не сахар, особенно прямо с утра.

И спотыкаться о собственный труп с утра тоже не следует. Об одеяло, подушку или свернутый в рулон ковер – еще туда-сюда. Но труп – явный перебор.

Невыспавшийся человек, лишенный единственного утешения в виде вкусных тонизирующих напитков, совершенно не способен оценить комическую сторону подобного происшествия. И какой тогда, скажите на милость, смысл все это затевать?

Ну, по крайней мере, я устоял на ногах. Ухватился за стену и остался в вертикальном положении. Поэтому неожиданно возникшее на моем пути препятствие разглядывал с высоты своего роста, а не лежа с ним в обнимку на полу. Что, в общем, к лучшему. Потому что вид собственного мертвого тела не вызвал у меня теплых чувств. Он, впрочем, и холодных чувств у меня не вызвал. Вообще никаких. Только сонное недоумение: «Зачем?» Поработав еще несколько секунд на предельной мощности, мой горемычный мозг осторожно уточнил: «Зачем это здесь?» Потом он вошел во вкус и породил несметное множество вопросов в диапазоне от: «Откуда оно взялось?» – до: «Ох, мамочки, делать-то что?!»

Приступить к выработке ответов бедняга не успел, потому что труп исчез, как это обычно случается с некачественными, наспех состряпанными наваждениями под пристальным взглядом любого мало-мальски сносного колдуна. А я как раз и есть сносный. Мало-мальски.

Сразу мог бы сообразить, в чем дело, и быстренько отвернуться, приберечь редкое зрелище для других желающих поглазеть на мой труп. Жестоко лишать ближних такого удовольствия. Но что взять с невыспавшегося человека?

Поэтому я даже сердиться на себя не стал. Бесплезно. Сперва кофе. То есть, тьфу ты, камра. И бальзам Кахара, если удастся его найти. А потом уже внутренний конфликт. Все хорошо в свое время.

Аккуратно переступив место, где только что лежал мой труп, я отправился дальше.

В последнее время Малая Летняя кухня стала одним из моих любимых убежищ, чем-то вроде дополнительной гостиной, которая выгодно отличается от настоящей тем, что о ее новом предназначении знаю только я. Никому кроме меня в голову не придет проводить здесь время. И уж тем более завтракать. Никто из уроженцев Ехо, включая портовых нищих, безбашенных

провинциальных студентов и отставных мятежных Магистров, ни за что не станет есть в кухне, пусть даже бывшей. Это считается не просто проявлением невоспитанности, но варварством, деревенским дурновкусием и чуть ли не самым вопиющим попранием общественных устоев. Леди Меламори, в детстве последовательно нарушавшая все мыслимые запреты, рассказывала, что застукавший ее за поеданием пирога под кухонным столом отец в отчаянии воскликнул: «Лучше бы ты кого-нибудь убила!» А ведь Корва Блимм совсем не кровожадный человек, да и на правилах этикета помешан куда меньше, чем прочая столичная аристократия. Однако вот как его проняло.

Таким образом, завтракая в Малой Летней кухне, я убиваю сразу двух зайцев: получаю гарантированное одиночество, жизненно необходимое мне по утрам, и тешу анархическую часть своей натуры, требующую время от времени восставать против правил – все равно каких. Для государственных переворотов и продолжительных оргий в публичных местах я слишком ленив, поэтому завтрак в кухне, пусть даже давным-давно не использующейся по прямому назначению, – именно то, что надо.

Стоило мне добраться до кухни, как жизнь начала налаживаться. Во-первых, я сразу нашел там бутылку с бальзамом Кахара. Просто увидел ее на полке, даже к заклинанию, призывающему потерянные вещи, о котором вспомнил, пока брел по длинным коридорам Мохнатого Дома, не пришлось прибегать. Во-вторых, после глотка тонизирующего зелья я обнаружил на кухонном столе почти полный кувшин камры, оставленный для меня не то одним из ангелов-хранителей, не то кем-то из поклонников наведения порядка, стаскивающих в Малую Летнюю кухню все, хотя бы отдаленно похожее на еду, чтобы – совершенно верно! – ее там никто не ел. Однако счастливицам вроде меня иногда и чужое злодейство идет на пользу.

Убежище мое хорошо еще и тем, что окна его выходят не на улицу, а во внутренний двор, куда, похоже, никто кроме меня никогда не выбирается. Думаю, о нем вообще забыли. От улицы и соседских палисадников двор отгорожен высоким забором, даже без намека на калитку. И из дома сюда можно попасть только через одно из окон Малой Летней кухни. Других выходов я не обнаружил, сколько ни искал. Друг мой Нумминорих, изучавший когда-то историю архитектуры, говорит, такие дворы называются «поварскими» и иногда встречаются в очень старых домах, построенных в те давние времена, когда полезной считалась только еда, приготовленная под открытым небом; в закрытых помещениях в ту эпоху варили исключительно яды. Черт его знает

почему. Нынешние ученые считают, что все дело то ли в целительных свойствах некоторых местных ветров, то ли, напротив, в тяжелом характере камней, из которых строили дома предки нынешних угуландцев. Я же думаю, древние жители Ехо просто предвидели мое появление. И любезно приспособили свою архитектуру к моим будущим нуждам, в надежде, что у меня хватит ума поселиться в доме, достаточно старом, чтобы там был двор, заросший высокой травой, и толстое, в два обхвата дерево вахари, под которым можно поставить кресло. Спасибо им, что тут еще скажешь. Почему-то именно в поварском дворе у меня на удивление неплохо работает голова.

Наверное, я – мыслящий омлет.

Вот и сейчас. Кувшин с камрой не опустел еще и наполовину, а у меня уже появились целых две версии, объясняющие как неожиданное появление моего трупа на пороге спальни, так и его быстрое исчезновение. Вторая нравилась мне гораздо больше, зато проверить первую было проще – достаточно консультации грамотного специалиста. Поэтому я послал зов Джуффину. Кому же еще.

Безмолвная речь, в общем, гораздо больше похожа на телефонный разговор, чем на какой-либо другой вид коммуникации. Только слова проговариваешь не вслух, а про себя. И реплики собеседника слышишь не то чтобы именно ушами. Сложно сказать, чем именно, но с собственными мыслями захочешь не перепутаешь – и на том спасибо.

Все это, как ни крути, требует очень высокой степени концентрации на разговоре. Поэтому я до сих пор терпеть не могу Безмолвную речь. Но пользуюсь ею по любому поводу, с упорством старательного троечника. И не только потому, что не люблю сдаваться. Просто внезапно обнаружил, что, разговаривая таким способом, начинаю мыслить более ясно и логично – вероятно, потому, что вынужден быть предельно лаконичным и не отвлекаться на пустяки.

Именно поэтому я не стал откладывать разговор, хотя дело перестало быть спешным сразу после исчезновения моего трупа. Показывать-то теперь всяко нечего. А обсудить причины происшествия можно и пару часов спустя, это ничего не изменит.

Но чего не сделаешь в борьбе за превращение своей глупой головы в хотя бы условно умную.

«Несколько минут назад на пороге спальни валялось мое мертвое тело, – не здороваясь, сказал я. – Сходство полное. Исчезло от пристального взгляда. Я спросонок вовремя не отвернулся, и сделанного уже не воротишь. Вопрос, собственно, такой: это может быть чья-то шутка? Теоретически? В смысле, кто-нибудь из моих знакомых умеет насылать такие наваждения? Это сложно? Или любому школьнику по плечу?»

«Не то чтобы очень сложно, – отозвался Джуффин. – Но довольно хлопотно и одновременно настолько бесполезно, что мне даже в голову не пришло бы кого-то специально этому учить. Ладно, давай подумаем. Ясно, что устроить тебе этот сюрприз вполне мог бы я сам. Но вряд ли мое наваждение исчезло бы так быстро. Сперва тебе пришлось бы побегать за ним по всему дому. И выслушать все, что оно при этом скажет. А некоторые пассажи, возможно, даже законспектировать на будущее. Я считаю, развлекаться – так уж развлекаться».

«Вот и я так подумал. Поэтому ты почти вне подозрений. А есть еще умельцы?»

«Кофа, безусловно, умеет и не такое. Но браться за хлопотное колдовство ради нелепого розыгрыша не станет, ты его знаешь. Если бы Кофа вдруг захотел испортить тебе настроение, он, можешь мне поверить, отыскал бы более эффективный способ, чем какой-то нелепый труп».

О да.

«Сэр Шурф тоже способен смастерить сколько угодно качественных наваждений, – продолжил Джуффин. – Чем только ни забивали головы талантливой молодежи в Эпоху Орденов. Но до состояния, в котором это можно счесть хорошей шуткой, он на моей памяти в последний раз напивался еще в Смутные Времена. Так что, при всем моем уважении, вряд ли».

Если бы мы говорили вслух, я бы сейчас заржал. А потом сказал бы: «Так, может быть, он наконец-то устроил инвентаризацию Орденских погребов?» И Джуффин, несомненно, с удовольствием подхватил бы мое предположение. Или, напротив, опроверг. В любом случае, мне нашлось бы что ему ответить. И разговор надолго ушел бы в сторону. А сейчас я даже не попытался развить

столь благодатную тему – вот вам еще одно преимущество Безмолвной речи. Ну или недостаток, это как посмотреть.

«То есть вероятность, что мой труп – просто милая дружеская шутка, невелика?» – спросил я.

«Совсем невелика, – согласился Джуффин. – И дело, честно говоря, не в наших умениях. Просто это как-то очень уж глупо – и в качестве шутки, и тем более как злодейство. Надо совсем тебя не знать, чтобы запугивать какими-то дурацкими мертвыми двойниками – а то ты ничего хуже в жизни не видел».

«Тогда хорошо, – сказал я. – Значит, это все-таки послание. Ответ на мою последнюю реплику, отправленную наудачу, практически в никуда. Неужели диалог продолжается? Это такая прекрасная новость, что я оказался к ней не готов. Отсюда дурацкие расспросы. Спасибо, что развеял мои сомнения».

«Шикарно, сэра Макс, – отозвался Джуффин. – Вот и ты дожил до такого дня, когда собственный труп на пороге спальни может оказаться прекрасной новостью. От души тебя поздравляю. И жду через полчаса, как договаривались».

И исчез из моей головы, оставив меня наедине с блуждающей по роже растерянной ухмылкой и вопросом: «Как я дошел до жизни такой?»

Вопрос, конечно, риторический. В какой момент его себе ни задай, ясно, что правильным ответом следует считать всю предыдущую биографию. Впрочем, в моем случае вполне можно ограничиться самым последним этапом, этакой финишной прямой протяженностью в две с небольшим дюжины дней, минувших с тех пор, как мы с Джуффином сидели у распахнутого окна его кабинета в Доме у Моста и смотрели на улицу, где, не обращая на нас ни малейшего внимания, творился восхитительный осенний день, теплый, пасмурный и немного чересчур яркий, как рисунок внезапно исцелившегося слепца.

* * *

Мы тогда, помню, долго глядели в окно и молчали. Так часто бывает, когда сказать нужно слишком много, и все одинаково важно, поди пойми, с чего начать. На моем плече дремал буривах Куруш, который так обрадовался встрече,

что великодушно согласился использовать меня в качестве насеста. Подобная честь выпадает, прямо скажем, не каждому. Даже Джуффин, которого мудрая птица считает самым главным человеком в Мире, далеко не ежедневно наслаждается такими проявлениями фамильярности. Ну или нежных чувств.

- Все-таки очень странно я себя тут ощущаю, - наконец сказал я. - Как будто вернулся домой и одновременно - в полную неизвестность.

- Просто полная неизвестность - это и есть твой дом, - заметил Джуффин.

И конечно, был абсолютно прав. Он вообще всегда оказывается прав; порой это кажется совершенно невыносимым, но на самом деле здорово упрощает жизнь. Не знаешь, кто ты, откуда взялся, как устроен и на хрена тут нужен - спроси Джуффина, и все мгновенно прояснится, если, конечно, сумеешь ему поверить. Это бывает довольно непросто, но стоит затраченных усилий, потому что - повторяю припев - Джуффин всегда оказывается прав.

И в частности, был трижды прав, когда притащил меня в Ехо, утверждая, что именно это мне сейчас нужно для полного счастья. Когда я вернулся в этот город - тайно, под покровом ночи, как какой-нибудь мятежный Магистр, не дотянувший до окончания срока ссылки, - даже предположить было невозможно, как быстро я снова войду во вкус.

В тот момент я вообще не был уверен, что смогу задержаться в Ехо дольше, чем на несколько секунд. Предыдущая попытка вернуться с треском провалилась. У меня тогда сложилось впечатление, что этот Мир больше не готов соглашаться с фактом моего существования и предпринимает явственные усилия, чтобы я немедленно исчез. Что я, собственно, и сделал, благо был к тому времени достаточно опытным путешественником между Мирами. Закрывать глаза, шагнуть в дверной проем - и привет. Благо обитаемых миров во Вселенной предостаточно, причем в некоторых из них для меня всегда найдутся ужин и ночлег. Это довольно удобно.

Повторять попытку я не хотел. То есть мне казалось, что не хотел - до тех пор, пока сэр Джуффин Халли, время от времени навещавший меня в моем убежище, не принялся донимать меня разговорами о возвращении домой. Эти разговоры поначалу бесили меня до такой степени, что я сам себя не узнавал. И, будучи

человеком честным, не мог не признать, что бесят они меня, как бесило бы умирающего предложение выбрать подходящий маршрут для совместного отпуска в будущем году. Зачем говорить о невозможном, да еще и делать вид, будто все зависит исключительно от моего решения? Примерно так я тогда обо всем этом думал.

Однако Джуффин не собирался оставлять меня в покое. Тормошил, интриговал – уж что-что, а это он умеет. Говорил, что я позарез нужен ему в Ехо. Твердо обещал, что с Миром я как-нибудь да помирюсь. Был чертовски красноречив и убедителен – вопреки здравому смыслу. И в конце концов предложил сыграть в карты, сделав ставкой в игре ближайшие сто лет моей жизни. Проиграешь – добро пожаловать обратно, на Королевскую службу, выиграешь – оставляю тебя в покое. В устах человека, имеющего твердую репутацию лучшего игрока в «Крак» за всю историю Соединенного Королевства, это было не слишком похоже на простодушный призыв довериться судьбе. О какой судьбе может идти речь, когда исход партии заранее предрешен.

Скажем так, почти предрешен.

Были времена, когда я безоглядно доверял сэру Джуффину Халли. Гораздо больше, чем какой-то там «судьбе». И безусловно больше, чем себе самому. Но эти времена прошли безвозвратно. Проблема не в том, что этот хитрец в любом деле преследует исключительно свои тайные цели, о сути которых лучше вообще не задумываться, если хочешь сохранить рассудок. Это я как раз знал уже давно; полному доверию такое понимание, надо сказать, совершенно не препятствовало – вероятно, потому, что самая моя жизнь тоже была одной из его тайных целей, и меня это устраивало.

Просто со временем стало понятно, что Джуффин, при всем его могуществе, тоже вполне способен совершить ошибку. По крайней мере, теоретически такое возможно. А значит, полагаться на него целиком в самых важных вопросах не следует.

Вот я и не стал полагаться – ни на картежное мастерство Джуффина, ни тем более на собственную судьбу, которую, уродись она человеком, деликатно называли бы «большой оригиналкой». Знаю я этих двоих: не договорятся, перемудрят, а мне потом расхлебывать. Поэтому я взял дело в свои руки. И всю игру аккуратно поддавался. На всякий случай. Потому что обычно я все-таки выигрываю у Джуффина примерно одну из полудюжины партий. Иногда даже

чаще. Очень уж хорошо он меня в свое время научил. А значит, лучше не рисковать.

Уверен, что именно на это он и рассчитывал.

Из всего вышесказанного естественным образом следует, что я очень хотел вернуться в Ехо и добился своего, все танцуют. Но не все так просто.

Штука в том, что я уже привык жить с этим желанием, с болью от его несбыточности, с гигантской прорехой в сердце. Я вообще очень быстро ко всему привыкаю и не люблю перемен, в том числе – к так называемому «лучшему». Потому что когда изменяются внешние обстоятельства, вместе с ними меняешься ты сам, и никогда заранее не знаешь, понравится ли тебе быть этим новым человеком, таинственным незнакомцем, превращение в которого вот-вот начнется... да нет же, уже началось, пока ты топтался на месте, почти всерьез полагая, что все еще можешь затормозить.

Вот именно поэтому я и сел играть в карты с Джуффином. Сам ни за что не решился бы вернуться. А сэр Джуффин Халли – крупный специалист по выведению из строя моих тормозов. В любую неизвестность за ухо затащит, а потом сам же вытащит, но только потому, что в поле его зрения вдруг объявилась новая, еще более неизвестная – а ну-ка давай туда! Ужасный человек, но со мной иначе нельзя. Потому что даже добровольно проиграв ту знаменательную партию в «Крак», я вовсе не был счастлив. А напротив, страшно зол, что все так быстро решилось, и отступать некуда. Настолько некуда, что уже полчаса спустя я шел по улице Медных Горшков. В Ехо была глубокая ночь, но лицо я все-таки закрыл тряпичной маской, которые к этому моменту как раз окончательно вышли из моды, так что выглядел я как безнадежный провинциал. Зато совершенно неузнаваемый. Этого я и добивался. Как будто пока никто кроме Джуффина не знает о моем возвращении, дело сделано только наполовину или даже вообще не сделано. А, например, сэру Джуффину Халли приснился странный сон.

И оказался вещим.

По крайней мере уже на следующий день мы сидели в его кабинете в Доме у Моста, и это определенно происходило наяву. Хотя, конечно, в таком деле

никогда нельзя быть уверенным до конца.

Кое-как вынырнув из бурного потока собственных мыслей, я обнаружил, что Джуффин уже какое-то время увлеченно беседует с отсутствующим. То есть со мной.

– Боюсь, я все прослушал, – покаялся я. – Задумался. Пытался понять, сплю я или нет.

– И что решил? – заинтересовался он.

– Похоже, все-таки бодрствую. Как-то все слишком сложно – я имею в виду совокупность обуревающих меня чувств. Во сне я гораздо проще устроен. Всегда точно знаю, чего хочу. И радуюсь, когда удастся добиться желаемого. Во сне я у нас молодец.

– Ты и наяву вполне молодец. По крайней мере, неплохо себя изучил. И, похоже, действительно нашел идеально подходящий тебе способ отличить сон от бодрствования, а это мало кому удается.

– Опыт – великое дело, – улыбнулся я.

– Согласен. Тем не менее знавал я опытных сновидцев, так толком и не разобравшихся, в чем именно состоит разница.

– Кашим Тушайна, – сонно пробормотал Куруш. – Валанта Валибапа, Эти Крумакаси, Логимар Пушина. И еще сто сорок имен, которые я готов огласить в том случае, если они вам понадобятся.

Это, надо понимать, были имена тех самых опытных сновидцев, знакомых Джуффина. Куруш спросонок решил, что без этой информации разговор пойдет в тупик, и великодушно пришел нам на помощь. Все буривухи обладают совершенной памятью. То есть они не просто могут запомнить, что следует, а совершенно не способны что-либо забыть. Затем этих птиц и держат в Доме у Моста; впрочем, сами буривухи полагают, будто Управление Полного Порядка создано исключительно ради их удовольствия и удобства, а умнейшие люди

Соединенного Королевства собраны здесь специально для того, чтобы развлекать птиц новыми сведениями, содержательными беседами и глупыми вопросами.

– Спасибо, милый, – поблагодарил буривушка Джуффин. – Мы пока обойдемся без имен. Так вот, сэр Макс, все эти искушенные в искусстве сновидений дамы и господа так толком и не научились отличать сны от яви. Впрочем, думаю, им просто было плевать. А для тебя это – вопрос жизни и смерти. Для тебя вообще все – вопрос жизни и смерти, так уж ты устроен. Повезло.

– Да уж, – скорбно насупился я.

– Согласен, это не самая комфортная позиция. Зато максимально эффективная, и ты тому живой пример.

Может быть, и так. Но развивать эту тему мне пока не хотелось. Поэтому я спросил:

– Так о чем ты говорил, пока я не слушал?

– Будешь смеяться, но примерно о том же, о чем ты так крепко задумался. О снах и бодрствовании. В частности, о том, что сон – это свобода сознания от повседневных обязательств. Своего рода отпуск.

– Забавно сформулировано. И действительно похоже.

– Ну да. А отпуском, сам знаешь, все распоряжаются по-разному. Кто-то просто остается дома, кто-то отправляется путешествовать в дальние края, а кто-то – проторенным маршрутом, на какой-нибудь модный курорт. Так вот, с сознанием происходит примерно то же самое. Иногда оно просто перерабатывает дневные впечатления в умеренно фантастические картины – это не очень интересно, и говорить тут нам с тобой не о чем. А иногда спящее сознание кидается в такие запредельные дебри, что проснувшись, мы не можем вспомнить ни единого эпизода. Даже я, уж на что вроде бы опытен в подобных делах, а до сих пор иногда просыпаюсь со смутным ощущением ускользающей тайны и мучаюсь потом от любопытства – что же такое удивительное случилось со мной во сне, если мой бодрствующий ум не способен вместить полученный опыт? Надеюсь, когда-нибудь мне все-таки удастся добраться и до этих тайн. Впрочем, ладно,

речь сейчас не о том. А о модных курортах. Это нынче для нас с тобой главная тема.

Я адресовал ему изумленный взгляд. Потому что если сэр Джуффин Халли затеял разговор с целью порекомендовать мне приятную поездку на знаменитые Белые Пляжи Уриуланда или, скажем, в лесные купальни острова Римурех, это будет означать, что в его тело только что вселился какой-нибудь бездомный демон. Или мертвый мятежный Магистр. Или еще какая-нибудь неведомая, подозрительно добродушная хрень. Потому что долгие годы я был знаком с совершенно другим человеком. Способным решительно на все, но только не милосердно отправить меня отдыхать на следующий же день после возвращения в Ехо. Да хоть бы и после ста лет безупречной службы без единого Дня Свободы от Забот – все равно невозможно.

– О модных курортах сознания, – усмехнулся Джуффин. – Есть такие пространства, куда сознание спящего человека устремляется легко и охотно, не особо задумываясь, зачем ему это нужно. Потому что куда-нибудь метнуться все равно надо, а тут такой простой и понятный маршрут. И, в конце концов, так делают все! Тоже, знаешь ли, аргумент.

Я начал понимать.

– Ты имеешь в виду, что есть места, которые снятся очень многим людям, потому что увидеть их во сне проще, чем что-либо другое?

– Ну да.

– Это многое объясняет, – обрадовался я. – Такое, наверное, с кем угодно было – разговорился с незнакомцем, выяснил случайно, что вам иногда снятся одни и те же неведомые города, решил, что обрел родственную душу. А потом выясняется, что душа вовсе не родственная. Совершенно чужой человек! Ходишь как дурак, спрашиваешь себя: «Как же так? Почему? Кто из нас врал?» А никто не врал, просто по этим неведомым городам кроме нас еще полмиллиона человек гуляли. Потому что сны о них чрезвычайно популярны в этом сезоне. Как-то так?

– Именно. Моя аналогия с модным курортом не для красного словца. Просто в любой стране есть такие места, где все нормальные люди хоть раз да побывали. А кто еще не был, рано или поздно там окажется – сам не захочет, так приятели

уговорят. Со сновидениями ровно та же история. И вот что особенно интересно: оказывается, увидеть во сне объективно существующую реальность гораздо проще, чем вымысел. Хотя, казалось бы, собственное внутреннее пространство всегда под рукой, вернее, под подушкой у спящего, а все остальное для него в этот момент как бы и вовсе не существует. Но нет. Человеческое сознание обычно так скупится на выдумку, что ему проще преодолеть расстояние между никогда не соприкасавшимися Мирами, чем породить пару-тройку новых иллюзий, хоть плохоньких, да своих. Такой вот удивительный парадокс. Поэтому когда вдруг выясняешь, что куче самого разного народу снилось какое-нибудь залитое водой поле, на краю которого растут белоствольные деревья, или, скажем, город, застроенный высокими зданиями без окон, можешь биться об заклад, что это поле и этот город где-нибудь да есть. И при удачном стечении обстоятельств их можно пощупать руками, в точности, как наш подоконник. – Джуффин для наглядности похлопал по отполированному временем темному дереву, всем своим видом приглашая меня присоединиться.

Я послушно положил ладонь на подоконник. Он был убедительно теплый.

– Ты когда-нибудь задумывался, как, собственно, модный курорт становится модным? – неожиданно спросил Джуффин.

– Не задумывался, – честно сказал я.

– Я, представь себе, тоже, – ухмыльнулся он. – Но это не мешает нам с тобой задуматься прямо сейчас. Взять хотя бы наше Уриуландское побережье. Оно все примерно одинаковое – относительно теплое море, чистый мелкий песок, густые леса и симпатичные рыбацкие деревушки. Однако бешеной популярностью пользуется только относительно небольшой участок, известный как Белые Пляжи. Почему?

– Наверное, там просто все обустроено для удобного отдыха?

– Теперь – да. Но в самом начале к услугам отдыхающих были только скромные комнаты в домах рыбаков. Комфортабельные виллы для гостей стали строить позже. А первый по-настоящему приличный трактир там открыли всего семьдесят с небольшим лет назад. Я почему так хорошо помню – Кофа досадовал, что туда сманили прекрасного повара из «Тряпичной Пумбы». А когда наш сэра Кофа в кои-то веки чем-то всерьез недоволен, это запоминается

надолго. Магистры знают, почему – вроде бы ничего особенного он в связи с этим не вытворяет. Однако каждый его вдох и выдох звучат хуже, чем самый безобразный скандал... Впрочем, Магистры с ним. Лучше попробуй догадаться, с чего началась слава Белых Пляжей? Почему столичные жители вдруг толпами повалили именно туда, невзирая на неудобства?

– Реклама? Стали говорить, будто там, например, целебная вода. Или особо мягкий песок. И даже мох на камнях такой вкусный, что никаких трактиров не надо – знай себе обгладывай камни.

– Кстати, да, обычно подобная болтовня отлично работает. Но про Белые Пляжи, насколько я помню, особо не ввалили. Есть еще версии?

– Дорога? – сообразил я. – Туда по какой-то причине стало легко добраться?

– Именно. Превращение рыбацкой деревушки в модный курорт началось с братьев Буругайсов и их красных амобилеров.

– Анчара Буругайс, Лапта Буругайс и Вейди Буругайс, – не открывая глаз, подсказал Куруш. – Возможно, есть и другие члены этой семьи, но о них я никогда не слышал.

– Я тоже, дружок. Братьев всего трое. Энергичные рыбацкие сыновья, приехавшие в столицу на заработки сразу после войны за Кодекс. Не знаю толком, чем они тут занимались, но денег скопили изрядно, а друзей-приятелей завели еще больше. И стали возить их к себе на родину в гости – отдохнуть, искупаться, выпить местного мшистого вина. Между нами говоря, удивительная гадость, зато большая редкость, в Ехо такого нигде не достать – что еще нужно настоящему гурману для полного счастья? Столичным друзьям так нравилось на побережье, что в гости стали проситься их родственники и знакомые, прельстившиеся рассказами путешественников. Будучи людьми приличными, на шею сесть не норовили, а предлагали честно оплатить поездку, еду и жилье. Братья отвезли в гости одного, другого, третьего и смекнули, что из этого может выйти неплохой бизнес. Поначалу возили гостей сами, потом им пришлось арендовать новые амобилеры и нанимать помощников. Наконец они как-то договорились с Кепой Шалушухисом, Старшим Магистром Ордена Семилистника, и он проложил на Белые Пляжи открытый Темный путь – ну, такой, о котором все точно знают, где он начинается, и куда ведет, и место первого шага с обеих

сторон помечено, чтобы никто не промахнулся. Событие, на самом деле, выдающееся. Очень мало кто из колдунов старой школы согласится открыть свой Темный путь даже близкому другу, а уж прокладывать его для всех желающих – это надо быть редким альтруистом. Дело не то чтобы сложное, и вреда от него никакого, просто у нас так не принято. Слишком свежа в памяти Эпоха Орден, когда каждый был за себя, и это часто помогало выжить. Даже вообразить не могу, сколько братья заплатили Магистру Шалушухису, чтобы его уговорить. Но так или иначе, а дело свое старик сделал на совесть. И благодаря ему число любителей погреть кости на белом песке резко возросло. Ходить чужим Темным путем, как ты сам не раз убеждался, гораздо легче, чем прокладывать его самостоятельно; это умеют, конечно, далеко не все, но большинство столичных аристократов худо-бедно справляются, их этому матери еще в раннем детстве учили, когда любая наука легко дается. Все-таки семейные традиции – великая вещь! А потом детки взрослеют и не упускают случая похвастать умением, подчеркивающим их принадлежность к высшему обществу, которая тем почетней, чем меньше от нее практической пользы. В общем, благодаря трудам Магистра Шалушухиса Белые Пляжи стали самым престижным местом отдыха столичной знати. На тех, кто никогда не просыпался среди рыбацких сетей с полной головой белоснежного песка и не клевал носом у костра в ожидании позднего ужина, смотрели со снисходительным сочувствием, примерно как сэра Мелифаро на наши с тобой наряды, вышедшие из моды, страшно сказать, еще позавчера. Ну а за аристократами потянулись богачи, эти всегда держат нос по ветру. Благо к услугам тех, кто не может воспользоваться даже чужим Темным путем, остаются все те же красные амобилеры; они до сих пор курсируют между Ехо и побережьем, и отбор возниц, говорят, даже более строг, чем при Королевском дворе. Кстати, имей в виду, сэра Макс, у тебя никаких шансов. Безопасность пассажиров Буругайсы ценят гораздо выше, чем скорость передвижения.

– Ну вот, вечно так, – пригорюнился я. – Стараешься, спасаешь Мир, а потом тебя в этом спасенном Мире даже возницей в приличную контору не берут!

– Жизнь вообще несправедлива, – согласился Джуффин. – Но это не повод сбивать меня с толку. О чем я рассказывал?

– О том, что богачи рванули на Белые Пляжи вслед за аристократами.

– Именно. И вот тогда там действительно началось строительство роскошных вилл и гостиниц, открылись трактиры и лавки, местные рыбаки переоборудовали

свои лодки для романтических прогулок, а пастухи принялись обучать говорящих коз сэйю чтению старинных стихов для просвещения столичной публики. А море, солнце, леса и песок были там с самого начала. Но сам понимаешь, окажись предприимчивые братья Буругайсы родом, скажем, из Куллари, мотались бы сейчас столичные жители отдыхать в Гугланд, хотя песок на том побережье темнее, и летние дожди идут гораздо чаще. Все равно люди с радостью поедут туда, куда их за умеренную плату повезут в удобных красных амобилерах или отведут за ручку Темным путем. А что где-то погода лучше и вино вкуснее, даже не задумаются. Так вот, со сновидениями – ровно то же самое. Только, конечно, без амобилеров. Зато на чужой Темный путь более-менее похоже. Уже догадываешься, к чему я веду?

Я кивнул.

– Ты говорил, что Ехо теперь снится куче постороннего народу, дрыхнущего в самых разных концах Вселенной и вообще не подозревающего о нашем существовании. Или даже не только Ехо, а вообще весь Мир. А кстати, действительно весь?

– Почти. Кроме разве что Арвароха. Там, как ты понимаешь, может происходить только то, что приятно местным буривушкам, а птицы обычно не любят, когда на них пялятся, пусть даже во сне. И еще я совершенно уверен, что потомки древних кейифайских родов бдительно охраняют некоторые закрытые города Уандука, куда во сне действительно лучше не соваться. И наяву, кстати, тоже. Впрочем, нас с тобой тамошние дела пока не касаются. Можно сказать, исключительно повезло. А то ходили бы теперь вывернутые наизнанку, забыв все слова кроме своих тайных имен – как назло, совершенно непроизносимых. Древняя Уандукская Магия это тебе не наша Очевидная, которая неизменно добра ко всякому новичку, а с ума сводит только самых опытных и могущественных колдунов. Своенравная кейифайская наука сперва переделывает ученика по своему вкусу, да так, что мать родная не узнает, а уже потом решает, допускать ли его до настоящего дела, или только на то и сгодится бедняга, что полоумным дурачком на площадях плясать во славу ее. Интереснейшая штука! Настолько, что лично я отложил ее изучение на черный день, когда иных тайн для меня в Мире не останется и я себе смертельно надоем.

Я смотрел на него, открыв рот. Таким невежественным болваном я не ощущал себя даже в самые первые дни жизни в Ехо. Конечно, в ту пору я знал о здешнем

мироустройстве гораздо меньше, чем сейчас, зато новую информацию Джуффин вываливал на меня сравнительно небольшими порциями. И, скажем так, несколько преуменьшал степень непознаваемости окружающего мира, щадя мою бедную голову. А теперь, надо понимать, решил, что можно не церемониться.

– Процесс познания бесконечен, – хладнокровно заметил Джуффин. – Причем чем больше узнаешь, тем яснее видишь масштабы своего невежества. Время от времени это вызывает досаду, могу тебя понять. Но вот тебе добрый совет: выброси пока из головы все, что в ней не укладывается. Оно потом как-нибудь само. Ты и не заметишь.

– Потому что буду в этот момент плясать на площади, как полоумный уандукский колдун-неудачник, – ухмыльнулся я. – Ладно, договорились. Поехали дальше. Ваш... Наш Мир стал модным курортом для сновидцев. И что из этого следует?

– Из этого, во-первых, следует, что ты к нам вернулся. И лично я в связи с этим испытываю восторг оборванца, наконец-то сподобившегося заштопать давно прохудившийся карман: была дырка, и нету, ничего не вываливается, и думать больше об этом не надо, дело уже сделано, грешные Магистры, хорошо-то как! Да ради одного этого имело смысл выворачивать наизнанку шапку Датчуха Вахурмаха[2 - Это действие, полностью изменившее Мир и сделавшее его привлекательным для сновидцев, проделал сэр Нумминорих Кута, принужденный к тому обстоятельствами, подробно описанными в повести «Тубурская игра»]. Знал бы, сам давно вывернул бы, не полагаясь на способную молодежь.

– Не знаю, зачем ты все это мне говоришь, – улыбнулся я. – Готов спорить, что с какой-нибудь хитроумной стратегической целью. Но выбираю верить, что ты просто действительно очень рад моему возвращению. Это, во-первых, приятно. А во-вторых, логично. В конце концов, ты же сам убедил меня вернуться. Было бы странно, если бы ты хлопотал лишь затем, чтобы испытывать невыносимые страдания от моего присутствия.

– Правильно делаешь, что веришь. Я вообще крайне редко вру. Просто, как правило, многое недоговариваю. В этом смысле со мной, конечно, нелегко – поди угадай, о чем я промолчал на этот раз? Вот и сейчас – теоретически, я же вполне мог заманить тебя в Ехо, чтобы зажарить и съесть в приятной домашней

обстановке. Почему нет? В прежние времена некоторые стареющие колдуны действительно поступали так с вошедшими в силу учениками. Считалось – возможно, не совсем безосновательно – будто подобный режим питания чрезвычайно полезен для здоровья. Но и в этом случае моя радость по поводу твоего возвращения была бы совершенно искренней, никакого притворства. Поэтому мне действительно можно верить, сэр Макс. Запомни это раз и навсегда.

– Теперь точно запомню, – пообещал я. – Кому и верить, если не человеку, всегда готовому с аппетитом меня сожрать.

– Все-таки не всегда, – педантично поправил меня Джуффин. – А только на старости лет. Так что твои шансы на превращение в жаркое не слишком велики, не обольщайся.

– Ладно, – согласился я. – Жизнь полна разочарований. Не хочешь, не ешь, кто ж тебя заставит. Но тогда придется вернуться к моему вопросу. Мир стал новым модным курортом для спящих сознаний, а вся наша здешняя жизнь – фоном для чужих сновидений. Отлично. Но что в связи с этим следует делать мне? Вот прямо сейчас и в ближайшие сто лет, которые я опрометчиво проиграл тебе в карты?

– Скорее уж чрезвычайно дальновидно проиграл. Жить в Ехо стало гораздо интересней, чем раньше. А ты, насколько я помню, и тогда не особо жаловался.

– Не особо, да, – невольно улыбнулся я.

На какое-то время в кабинете воцарилось умиротворенное молчание. Не знаю, как Джуффину, а мне было о чем вспомнить.

– Ты вот спрашиваешь, с чего начать, – сказал наконец Джуффин. – А я и сам в растерянности. Потому что начинать, по-хорошему, следует со всего сразу. Жду не дожусь, когда ты вступишь в игру. Но все равно какой-то шаг должен быть самым первым. Ладно. Для начала тебе следует узнать вот что. Обычно сновидцы и порожденные их сознанием фантазмагорические образы остаются невидимыми, неслышимыми и неосвязаемыми для обитателей реальности, которую видят во сне. И, следовательно, никому не мешают. Ну, то есть существует специальная методика, позволяющая вести за ними наблюдение, но

ее прикладное значение столь невелико, что специалистов по пальцам пересчитать можно, причем большинство их проживает в Уандуке. Потомки кейифайев почему-то любят подобные развлечения.

– Да что ж такое! – изумился я. – Все самое интересное, оказывается, происходит в Уандуке. Переехать, что ли?

– Обойдешься. Да и незачем: у нас, в Ехо, спящих визитеров может увидеть и даже потрогать вообще кто угодно. Причина, как ты, наверное, сам догадываешься, в близости Сердца Мира: оно, особо не разбираясь, дает силу всему, что окажется рядом. Вот и люди, чье внимание устремилось сюда во сне, обрастают тут плотью – недолговечной, тонкой, почти прозрачной, но на первый взгляд практически неотличимой от настоящей. И было бы неплохо, если бы для начала ты научился отличать тех, кому мы снятся, от обычных людей. Как по мне, нет ничего проще... Кстати, будет смешно, если вдруг окажется, что именно для тебя это проблема. Ты у нас всегда был с причудами.

Я слушал его, смотрел в окно и думал, что на самом деле для начала мне придется научиться спокойно дышать воздухом Ехо, не захлебываясь на каждом вдохе от счастья, столь острого, что менее опытный человек счел бы его сердечным приступом. Причем, похоже, на освоение этого искусства у меня уйдут годы.

Но не говорить же все это вслух. Проще одарить собеседника самой лучезарной ухмылкой из своего арсенала.

– Заранее уверен, что справлюсь. Как правило, спящий человек не способен контролировать свой внешний вид. Следовательно, выглядеть должен максимально нелепо. Поэтому вон тот чудаков в коротком золотом лоохи, расшитом ужасающими лиловыми медузами, наверняка и есть искомым объект. Изловить его немедленно? Будем ставить опыты?

– Не хочу разбивать тебе сердце, но это просто наш сэр Мелифаро решил выгулять на службу свой наряд, сшитый по самой последней моде. А теперь благоразумно уходит в нем домой, осознав, что медузам в Управлении Полного Порядка не место. Тебя слишком долго не было в Ехо, и ты не в курсе новейших модных тенденций. Что, впрочем, к лучшему. Меньше знаешь, крепче спишь.

- Это точно. Но вообще-то я пошутил.

- Я на это втайне надеялся. Но решил, лучше вот прямо сейчас показаться занудой, чем пару лет спустя случайно обнаружить, что ты действительно пользуешься именно этим критерием.

Ну кстати да. С меня бы случилось.

- На самом деле, - заметил я, - научиться отличать одних людей от других на абсолютно пустой улице несколько затруднительно, ты не находишь?

- В отличие от некоторых, - надменно ответил Джуффин, - я никогда не пасую перед трудностями.

И тут же, махнув рукой, рассмеялся.

- Это я, конечно, молодец, ничего не скажешь! Ладно, пошли.

- Куда?

- Да куда угодно. На первую попавшуюся людную улицу. Или на вторую попавшуюся. Да хоть на третью. Как пожелаешь.

- А если, к примеру, на Гребень Ехо? И практиковаться там всласть с видом на всю столичную красоту сразу.

Джуффин укоризненно покачал головой.

- Ты говоришь, как турист.

- И чувствую себя соответственно. Подозреваю, любой иноземный матрос уже через пару дней после прибытия ориентируется в Ехо более уверенно, чем я. Все так изменилось! Одни только прохожие, идущие по своим делам в полуметре от земли, чего стоят. Тоже небось просто новая мода, вроде коротких блестящих лоохи?

– Что-то вроде. Но шика в манере ходить, не касаясь земли, гораздо больше, чем в любых тряпках, поскольку это все-таки далеко не каждому по плечу. Впрочем, настоящие мастера полагают подобный выпендрез вульгарным. Поэтому если ходить обычным образом, по земле, но при этом глядеть на окружающих достаточно высокомерно, есть шанс сойти за совсем уж могущественного колдуна, брезгующего фокусничать на глазах у публики. В общем, все сложно.

– Всегда знал, что денди мне не бывать. Не умею ни того ни другого. Даже немного обидно.

– Ну, этому горю помочь нетрудно. Насчет выражения лица проконсультируйся у своего приятеля, Великого Магистра Семилестника, в этом искусстве ему до сих пор нет равных. А ходить, не касаясь земли, я и сам тебя научу, причем за пару минут. Техника-то несложная, а сил у тебя теперь, пожалуй, побольше, чем прежде.

– А знаешь, не откажусь. Пара-тройка простых, но эффектных фокусов мне сейчас не повредит. А то прошелся сегодня по городу, посмотрел, как детишки запускают в небо драконов прямо из рукавов, а их мамы посылают на улицу толпы веселых разноцветных зверей, чтобы убедить чада вернуться домой пообедать, и почувствовал себя безнадежным провинциалом. Тем самым одичавшим варваром из Пустых Земель, за которого ты с переменным успехом выдавал меня поначалу... Слушай, а ты уверен, что меня не было в Ехо всего шесть лет? А не полторы тысячи?

– Я считал на пальцах, – совершенно серьезно ответил Джуффин. – Их у меня, как несложно заметить, гораздо меньше полутора тысяч, и в процессе подсчета они даже не успели закончиться. Просто это были довольно насыщенные событиями годы, сэр Макс. Так уж тебе повезло. Возвращаешься вроде бы просто домой, а тут – сюрприз, сюрприз! – совершенно новехоньякая реальность, как специально для тебя старались.

– Я бы, честно говоря, предпочел быть свидетелем всех этих перемен. А еще лучше – деятельным участником. К чему угодно можно привыкнуть, пока делаешь это своими руками.

– Так-то оно так. Но быть Тайным сыщиком в тот момент, когда часть запретов на применение магии внезапно отменилась, часть осталась в силе, а

регламентирующие этот бардак поправки к законодательству все еще редактируются и дописываются – незавидная доля. Окажись ты в Ехо, я бы практически каждый день будил тебя на рассвете. Причем не по злобе, а просто от безысходности. Ты не представляешь, что у нас тут творилось! При этом хитрый сэр Шурф, без которого я как без рук, заперся в Иафахе, завернулся в магистерскую мантию и наотрез отказался подрабатывать в Тайном Сыске в свободное от собственного величия время. Причем со свойственной ему злопамятностью утверждал, что стал Великим Магистром Ордена Семилистника не по собственному капризу, а по моей настоятельной просьбе. Что, к сожалению, чистая правда. Я, впрочем, с самого начала понимал, что он – отрезанный ломоть. В Иафахе к его услугам лучшая библиотека этого Мира и моя любезная подружка Сотофа, всегда готовая обучить любого желающего высокому искусству забивать на чужие проблемы. А сэр Шурф любит учиться, ты знаешь.

– Ну так надо было сперва сотворить его двойника, а потом отпускать, – рассудительно заметил я. – Уверен, у тебя получилось бы.

– Наверняка, – согласился Джуффин. – Однако некоторые особо чудесные предметы и явления должны всегда оставаться в единственном экземпляре, просто ради равновесия Мира и моего личного спокойствия. И сэр Шурф Лонли-Локли, безусловно, из их числа. Что весьма досадно: нам его до сих пор здорово не хватает, особенно в черные дни подготовки очередного годового отчета. А поначалу был просто кошмар. Сэр Мелифаро то и дело пытался подать в отставку, порой трижды на дню. Счастье еще, что он человек легкомысленный и быстро забывает о собственных решениях. Кофа угрожал навек удрать от нас в Куманский Халифат, а леди Кекки Туотли обещала в отместку выйти замуж за первого попавшегося красивого придворного; пока они спорили, город оставался без присмотра, и чего только там не творилось! Меламори же просто спала круглые сутки, то с закрытыми глазами, то с открытыми; впрочем, положение ее век мало что меняло. Никогда прежде не видел, чтобы чьи-то блестящие успехи в постижении Истинной Магии оказались настолько несвоевременными. Чем больше она училась, тем меньше пользы от нее было на службе, и тем хуже приходилось нам всем. Энтузиазм сохранял только Нумминорих. Он, по-моему, так и не понял, что работы стало слишком много. Решил, просто я наконец-то любезно согласился посвящать его в некоторые серьезные дела. Очень радовался, бедняга. Без него мы бы, пожалуй, совсем пропали. Но и с ним уцелели только чудом.

– Сейчас заплачу от зависти, – пригрозил я. – Чудом они уцелели, как же. Так и представляю летающие в воздухе пирожки, курьеров с кувшинами камры в два часа пополуночи и звон оконных стекол от вашего общего хохота.

– Не без того. А все-таки мы очень уставали, да и дела были по большей части самые что ни на есть рутинные. Очередной энтузиаст получил лицензию и тут же принялся досаждать ворожкой соседям, как будто разрешение применять магию автоматически позволяет использовать ее во вред другим людям; компания студенток отметила будущую свадьбу подружки совместным полетом над городом, применив на радостях восемьдесят первую ступень Черной Магии, которую пока даже теоретически никто не собирался разрешать; юный музыкант сочинил новую колыбельную, сыграл ее, сидя на крыльце, и целый квартал спит уже четвертый день кряду. Все редкостные молодцы, просто сердце радуется, и всех надо срочно арестовать, похвалить за успехи, отдать под суд и оштрафовать – а как еще наглядно продемонстрировать горожанам, что внесение поправок в Кодекс Хрембера вовсе не равносильно его полной отмене? Подобной рутины внезапно стало слишком много, а нас – несколько меньше, чем хотелось бы. Ты бы в такой обстановке быстро заскучал и испепелил столицу, а может, и весь Угуланд в придачу – просто чтобы тебе дали выспаться. Так что все к лучшему, сэр Макс. Город уцелел, ты не возненавидел всех его жителей разом, а я не свихнулся, расхлебывая еще и эту проблему. Прекрасный результат.

На радостях он вскочил со стула и жестом великодушного хозяина сокровищницы, решившего одарить гостя, распахнул дверь кабинета.

– Гребень Ехо, говоришь? Ладно, будь по-твоему. Пошли.

– Удивительные все-таки существа вы, люди, – укоризненно сказал Куруш, недовольный вынужденным перемещением с моего плеча на спинку кресла. – Почему вам необходимо снова и снова ходить туда, где вы уже однажды побывали?

– Ну, видишь ли, мы, люди, довольно привязчивы, – серьезно ответил Джуффин. – И когда нам нравится какое-то место, мы стараемся возвращаться туда почаще, желая убедиться, что оно никуда не исчезло.

– Да, это можно понять, – подумав, согласился буривах. – Ваш человеческий мир действительно не настолько постоянен и надежен, как того требует здравый смысл.

Я был с ним согласен, как никогда.

Мы шли по городу, и я снова, уже который раз за день, глядел по сторонам, разинув рот, как будто попал в Ехо впервые в жизни. Впрочем, если бы я действительно только что приехал в столицу Соединенного Королевства, удивлялся бы гораздо меньше. Сказал бы себе, что именно так и должны обстоять дела в городе, где магия доступна даже младенцам, и быстро перестал бы обращать внимание на местные странности.

Но штука в том, что я прожил в Ехо несколько лет и знал этот город, как свои ладони. Ну, то есть считал, будто знаю.

А теперь глазел на уличного фокусника, жонглирующего пузырями воды, внутри которых шевелили жабрами ошалевшие от такого обращения рыбы. Слушал, как негромко напевает под нос старое дерево вахари, не то заколдованное каким-то шутником, не то, напротив, наконец-то расколдованное – и тогда оно нам, конечно, еще покажет. Пересчитывал парящие в небе детские игрушки, то и дело уступал дорогу корзинам, самостоятельно ковыляющим с рынка вслед за беззаботными хозяевами, уворачивался от подносов с пирогами, летящими из трактиров прямо в распахнутые окна клиентов, невольно прикидывал – это сколько же курьеров потеряли работу с момента принятия поправок к Кодексу? Впрочем, вряд ли стоило о них горевать: с голоду в столице Соединенного Королевства захочешь не помрешь, зато интересных способов коротать досуг у горожан в последние годы явно прибавилось.

Я смотрел под ноги, на мелкие камешки, которыми вымощены тротуары улицы Медных Горшков, и чувствовал, что пропадаю. Влюбляюсь заново. По уши. И как всегда, навек. Любовь не лечится временем, и новой любовью она тоже не лечится. Вообще ничем, и, наверное, хорошо, что так. Этот город всегда имел надо мной куда больше власти, чем любой из людей, а теперь он, похоже, намеревался захватить еще несколько стратегически важных участков моего сердца. Или – чего мелочиться? – отобрать его целиком. И я не собирался сопротивляться.

Да и толку-то.

Чудеса были Ехо к лицу. Хорошо, что официальный запрет на них отменили. И как же все-таки жаль, что это случилось не при мне. Но тут уж ничего не поделаешь.

- На самом деле, это только начало, - сказал Джуффин.

Я не дрогнул. Даже не стал переспрашивать: «Начало чего?» Давно привык получать ответы на мысли, не высказанные вслух. Вокруг вечно толпятся ясновидцы, готовые читать меня как открытую книгу, то и дело беспардонно подглядывая в конец, а уж сэр Джуффин Халли, безусловно, абсолютный чемпион в этом виде спорта.

- Ты жалеешь, что не присутствовал в начале перемен, а на самом деле вот прямо сейчас и есть начало, - повторил Джуффин. - Оно еще на добрую сотню лет растянется. За годы, прошедшие со дня принятия Кодекса Хрембера, у нас выросло несколько поколений, почти не умеющих колдовать. А те, что постарше, утратили сноровку. Магия, как всякое искусство, не терпит отступничества, и многим законопослушным старикам теперь приходится начинать чуть ли не с нуля. Поэтому все, что ты видишь сейчас, - это еще цветочки. Оно к лучшему, будем привыкать понемногу. Все вместе. Я, знаешь ли, тоже постепенно забыл, каков этот город на самом деле. Что здесь считается нормой, и как эта, с позволения сказать, норма выглядит со стороны. И до сих пор глазам своим не верю. То есть верю, но через раз. Как в первые годы после переезда из Кеттари. Все эти милые мелочи, составляющие фон обыденной столичной жизни, совершенно меня тогда заморозили. И даже отчасти шокировали. Нечего и говорить, что я был сбит с толку и счастлив. Примерно как ты сейчас. И тоже влюбился в этот город по уши. Так что не переживай, ты не первая его жертва.

- Ни на секунду не сомневаюсь, что не первая. Кто ж перед таким устоит?

- Кстати, местные уроженцы к Ехо по большей части вполне равнодушны, - заметил Джуффин. - То есть они довольны, что родились не где-нибудь, а в столице, и охотно пользуются всеми преимуществами такого положения. Но сильная и глубокая любовь к своему городу среди них огромная редкость. Странно, да?

– Вообще-то не очень. Они с младенчества получают Ехо по чайной ложке в день. А мы – все сразу, внезапно, как именинный пирог с фейерверком. Конечно, у нас больше шансов потерять голову.

– Твоя правда. И в награду за житейскую мудрость вот тебе большой ломоть пирога сразу – Гребень Ехо. Мы пришли.

...Мост Гребень Ехо разительно отличается от остальных мостов через Хурон. Он столь широк и прочен, что по краям его построены самые настоящие дома. В некоторых живут люди – на мой взгляд, фантастические счастливики, вроде сэра Кофы Йоха, который, конечно, регулярно досадует на сырость и шум, но не променяет свою сравнительно скромную квартиру даже на дюжину окруженных садами особняков Левобережья. Впрочем, добрая половина зданий отведена под лавки и трактиры, по большей части обескураживающе дорогие. Ничего не поделаешь, за виды, открывающиеся из окон и с выставленных за порог кресел, готовы переплачивать даже столичные жители; о приезжих и говорить нечего. Скупцы же удовлетворяются возможностью курить трубки у перил моста, в редких просветах между домами.

Наше место было среди скупцов. И не потому что мы берегли свои кошельки. Просто людям, которых никто не замечает, в трактире делать совершенно нечего.

А нас сейчас не заметил бы даже самый внимательный к гостям трактирщик. Это была моя вина. В смысле, идея. Ну или, как выразился Джуффин, заскок. Я не хотел, чтобы о моем возвращении в Ехо стало известно кому-то кроме самого Джуффина. Я бы и ему какое-то время не показывался, будь моя воля. Но довольно трудно скрыть свое появление в городе от человека, который самолично тебя туда притащил, напоив собственной кровью – не то из магических соображений, не то просто для смеха, чтобы потом всю жизнь дразнить кровопийцей. И спать уложил в своем доме, твердо пообещав присматривать, чтобы я никуда не исчез. И с несвойственной ему кротостью сносил все мои капризы. Никому не говорить, что сэр Макс вернулся? Ладно, как скажешь. Хочешь гулять по городу, изменив внешность? Смотри, это делается так. Давно надо было тебя научить, да руки не доходили. Думаешь, надо еще и маску надеть? Вообще-то они уже вышли из моды, но поступай как знаешь.

И только когда я сказал, что маскировка у меня, конечно, неплохая, но теперь хорошо бы накинуть сверху Кофин укумбийский плащ-невидимку, Джуффин дал

себе волю и смеялся надо мной добрых полчаса. Плащ, впрочем, принес – потом, когда устал ржать.

Человек, надевший такой плащ, становится невидимым – в том смысле, что его перестают замечать. Просто невозможно задерживать на нем внимание, даже если ты заранее предупрежден и очень стараешься.

Плащи эти – большая редкость, никто кроме укумбийцев таких не делает, а заниматься торговлей жителям Укумбийских островов не велят законы пиратской чести. Даже свою гордость, крепкий ароматный напиток бомборокки, от которого без ума весь Мир, им продавать нельзя. Впрочем, выход уже давно найден: время от времени крупные производители укумбийского бомборокки отправляются в море на утлых суденышках, под завязку нагруженных бутылками. Штука в том, что законы пиратской чести не запрещают укумбийцам быть ограбленными превосходящим по силе противником, даже если этот противник по счастливому совпадению окажется угуландским купцом, который, забрав ценный груз, случайно забудет в каюте пострадавшего туго набитый деньгами кошель. Приступу рассеянности способствует не только желание продолжать бизнес, но и присутствие поблизости до зубов вооруженных родственников и друзей жертвы на легких быстроходных шикках. Догнать же злодея и отобрать награбленное им мешает опасение, что, прослышав об этом, другие купцы перестанут бесчинствовать в Укумбийском море на столь выгодных условиях.

И ни слова о торговле!

К сожалению, тайная договоренность между пиратами и купцами не распространяется на другие товары. И уж тем более на такую редкость, как плащи-невидимки. Наш экземпляр достался Тайному Сыску случайно, можно сказать, чудом. Его тут же прибрал к рукам сэр Кофа, и с ним никто не спорил – ясно, что Мастеру Слышащему возможность в любой момент стать незаметным гораздо нужней, чем остальным. Впрочем, Кофа пользуется плащом очень редко; думаю, ему просто неинтересно быть невидимкой, которого, к тому же, ни в одном трактире не обслужат. Поэтому плащ почти всегда лежит в сейфе, и его можно позаимствовать, так уж мне повезло.

Став невидимкой, я полдня шатался по городу; наконец набрался решимости, явился в Дом у Моста, зашел в кабинет Джуффина и некоторое время сидел там на подоконнике, корчил рожи, наслаждаясь своей полной невидимостью, пока

Джуффин не сказал, подняв голову от самопишущих табличек: «Ты что, правда думаешь, будто я тебя не замечаю? Хорошо бы я был, если бы до сих пор не разобрался с этими укумбийскими чарами. И не делай такое трагическое лицо, я пока больше никого этому не учил. Не до того было».

Все к лучшему – по крайней мере, он меня покормил. Сделать это следовало давным-давно, но снять плащ-невидимку даже в самом захудалом трактире на окраине Старого Города я так и не решился.

И разговаривать с человеком, который тебя видит, все-таки гораздо приятней. Особенно если идешь при этом по улице. Я правда сперва помалкивал, опасаясь, что Джуффин будет выглядеть полным идиотом, оживленно болтая с невидимым собеседником, но быстро сообразил, что уж ему-то не составляет труда оставаться незаметным без всяких волшебных вещей. И тут же убедился в своей правоте, наблюдая, как ловко грозный шеф Тайного Сыска уворачивается от хрупких старушек, прущих на него с безмятежностью стенобитных таранов.

– Ну а как я, по-твоему, ходил по улицам в Смутные Времена? – флегматично ответил Джуффин на мой невысказанный вопрос. – Когда каждая собака знала, что я наемный убийца? И тем более потом, когда все та же собака знала, что я – Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска? Это я только в последние годы разленился, благо шарахаться от меня на улицах более-менее перестали. А когда-то было – все равно что тюрбан надеть.

Лучшее, что может сделать невидимка, угодивший в толчею Гребня Ехо, – вскарабкаться на первую попавшуюся крышу. Если, конечно, он способен ненадолго превратить гладкую стену в удобную лестницу. Лично я понятия не имею, как это делается, зато умею правильно выбирать спутников. Для Джуффина подобный фокус – привычный, не заслуживающий внимания жест, как дверь открыть. Поэтому минуту спустя мы уже свысока взирали на происходящее, совершенно неуязвимые для чужих локтей и сапог.

– Надеюсь, теперь ты не станешь жаловаться на недостаток учебного материала, – сказал Джуффин. – Здесь довольнолюдно.

– Звучит как непростительное преуменьшение.

– Вот именно. А теперь внимательно посмотри на прохожих. Как думаешь, кто из них сейчас спит у себя дома? Никаких идей? Правильно, их и не должно быть. На первый взгляд большинство сновидцев выглядят как обычные люди. Ну, скажем так, как обычные приезжие: глазают по сторонам, распахнув рты, все им в диковинку. И они нам тоже в диковинку, можно сказать, честный обмен. На самом деле, твоя шутка насчет наряда сэра Мелифаро была вполне метким попаданием. Некоторым снится, будто они выглядят примерно как все вокруг, но большинство все-таки одеты по нашим меркам довольно нелепо. Как дома ходить привыкли, так и во сне проявляются, по крайней мере, поначалу. Спасибо им за это, очень оживляют городскую толпу! Но все же целиком полагаться на этот признак не следует, особенно тебе. Ты даже с нынешней столичной модой толком не освоился, а ведь, скажем, в том же Куманском Халифате она тоже меняется. Еще и почаще, чем у нас. Порой – радикально. И, подозреваю, ты до сих пор не имел возможности поглазеть на чангайца, или, скажем, умпонца. Выдающееся зрелище, верь мне! Уж на что я бывалый человек, а и то иногда вздрагиваю при виде их разноцветных фартуков и многослойных коротких штанов. Поэтому попробуем самый верный метод: боковое зрение. Нет ничего проще и эффективней. Когда смотришь боковым зрением, некоторые потаенные вещи просто не успевают от тебя спрятаться. И тогда тела сновидцев начинают мерцать, как луна. Точнее, как ее отражение в зыбкой воде. Впрочем, это уже поэтические тонкости. Мерцают – и ладно. Попробуй, сам увидишь.

Я попробовал. Поначалу, конечно, ни черта не получалось. Очень долго не получалось. Секунд двадцать. Или даже тридцать. Вполне достаточно, чтобы взбеситься от собственной беспомощности, потом решить, будто меня разыграли, и взбеситься снова, на сей раз адресно. И даже придумать отличный план мести. А потом увидеть, как мерцает контур силуэта молодой женщины в пышной красной юбке, каких в Echo на моей памяти никогда не носили. И другая, пожилая, в не по сезону теплом коричневом лоохи до пят, сияет практически как гриб в светильнике. И мужчина в почти ташерских шелковых пижамных штанах, и толстая девочка в длинной голубой скабе, которая, скорее всего, просто ночная рубашка, и совсем юный солдат в форме неизвестной мне и вряд ли вообще существующей державы. И рыжая дама средних лет, что-то сосредоточенно рисующая в блокноте – вот это я понимаю, настоящий художник, даже во сне за работой. Впрочем, вполне возможно, наяву она рисовать как раз не умеет, вот и пользуется случаем. Кто их разберет, этих спящих.

– Мама дорогая, – наконец выдохнул я. – Это что же получается, чуть ли не каждый десятый прохожий на самом деле дрыхнет сейчас где-то дома и видит сон о прогулке по этому грешному мосту? Даже не верится! Их всегда столько,

или просто я везучий?

– Ты, конечно, везучий. И место выбрал метко, наши мосты, как внезапно выяснилось, очень любят, когда их видят во сне. На улицах спящего народу поменьше, но все равно хватает. Сам убедишься. Знаю я тебя, теперь дни напролет всех разглядывать будешь.

– И что, всех этих красавцев мне придется ловить и будить? – мрачно спросил я. – Но это же нереально! Пока буду заниматься одним, еще сотня благополучно ляжет баиньки у себя дома и тут же свалится нам на голову. Или просто сколько успею? Что-то вроде лотереи – кто под руку подвернулся, тот и молодец?

– Ну что ты. Этих людей следует оставить в покое. Хотят видеть нас во сне – да на здоровье. Их можно понять, я бы на нас и сам с радостью поглядел, угоразди меня родиться в каком-нибудь другом месте. Тем более беспокойства от них особо нет, а удовольствия море. Нашим горожанам всегда нравились чудачки.

– Но ты же сам говорил...

– Нас с тобой интересуют совсем другие сновидцы, которые присутствуют здесь более-менее полностью. И действуют почти столь же осмысленно, как наяву, только с невиданной для себя легкостью. Ослепительная иллюзия всемогущества, им, в отличие от нас, даже магии учиться не надо. Можешь представить, в каком они восторге?

О да. Вопрос по адресу. Могу.

– При этом следует понимать, что некоторым удовольствие может стоить жизни. Кто, очаровавшись новыми возможностями, захочет остаться тут навсегда, скорее всего добьется своего. В том смысле, что больше никогда не проснется дома – там, где лежит спящее тело. Но и здесь сможет оставаться только до тех пор, пока оно живо. Смерть показывает людям совсем иные сновидения, улицы Ехо и прочих городов Мира в них, насколько мне известно, не фигурируют. Все-таки, при всем моем уважении к философам древности, любившим шокировать друг друга сенсационными гипотезами, у нас не «тот свет».

– Точно? – спросил я.

Хотел пошутить, но голос дрогнул в самый неподходящий момент, и вопрос прозвучал встревоженно.

- Точно, - совершенно серьезно подтвердил Джуффин. - Я проверял.

Я не стал спрашивать, как он это делал. Некоторым утверждениям сэра Джуффина Халли лучше сразу верить на слово, не требуя подробностей - если рассудок вам дорог.

- В общем, надолго у нас никто при всем желании не задержится, - заключил Джуффин. - Тело, конечно, может какое-то время протянуть без участия сознания, особенно если ему повезет, и найдутся знахари, которые захотят и сумеют поддерживать его физическое существование. Но такая удача - редкость.

- Редкость, - эхом повторил я.

- С теми, кто собирается тут погулять, а потом проснуться дома, тоже не так просто. Чем дольше человек видит один и тот же сон, тем глубже в него погружается. Чего доброго, начнет вспоминать свою здешнюю биографию, вернее, она сама вспомнится - вкрадчиво, постепенно. Только что казалась забавной фантазией, а уже засела в голове, как неопровержимый факт. В какой-то момент наш сновидец разворачивается и идет домой. По адресу, который знает, как нечто само собой разумеющееся, даже не обдумывает, откуда у него тут взялась квартира, и кто все эти славные люди, ожидающие его за обеденным столом. И привет, поди потом проснись, когда твоя настоящая жизнь - вот она, знакомая и привычная, никаких сомнений. Примерно так работают сонные наваждения; впрочем, ты и сам знаком с ними не понаслышке. А настоящих мастеров, способных держать сновидение под полным контролем и вовремя просыпаться в своей постели, куда бы ни занесло и что бы ни померещилось, мало в любом из Миров. Даже тут - при том что у нас-то всегда есть возможность научиться, были бы желание и интерес. Ни тайной, ни тем более запретной эта наука отродясь не считалась. И азы ее доступны абсолютно всем.

Он умолк и принялся набивать трубку. Не то чтобы дать мне обдумать услышанное, не то и правда захотел покурить, никогда не поймешь.

Поэтому услышанное я на всякий случай обдумал, чтобы пауза зря не пропадала. И, дождавшись, пока изо рта Джуффина кольцами полетит дым, спросил:

– А эти осмысленно спящие с виду хоть как-то отличаются от нормальных людей и прочих сновидцев? Тоже светятся? Но как-нибудь хитро?

– Хороший вопрос, – вздохнул Джуффин. – Ответов, на мой вкус, даже слишком много. Все правдивые, а в сумме чокнуться можно. Некоторые, видишь ли, светятся, а некоторые нет. Одни вообще неотличимы от обычных бодрствующих людей, другие имеют вид столь причудливый, словно только что выскочили из тюрбана уличного фокусника. Кого-то вовсе не разглядишь, зато иных видно вообще везде, сила Сердца Мира им для этого без надобности. Кто-то может показаться одним из призраков, наводнивших Ехо после отмены дурацкого запрета на их пребывание в столице, а кто-то заявит в облике зверя или в восемнадцати телах сразу – поди с таким договорись. Как только речь заходит о гении, да еще и не ведающем, что творит, все правила отменяются. И выкручивайся как хочешь.

Я хотел заорать во весь голос: «Так и знал!» – но вместо этого просто саркастически ухмыльнулся. Если уж природа одарила вас не в меру выразительным лицом, произносить вслух все, что на нем написано, – непростительное расточительство.

Но Джуффин и бровью не повел. Он, как рассказывают, даже гибель этого Мира однажды видел – в ту пору, когда она еще была наиболее вероятным будущим. Что ему какое-то там лицо.

Пришлось говорить человеческим голосом.

– Ты бы мне хоть одного показал для примера.

– Да я бы с радостью. Но здесь их, скорее всего, нет.

– Ладно, тогда не будем рассиживаться. Пошли поищем в городе. Хочу своими глазами увидеть, о чем речь.

– Желание гостя – закон. Так говорят у меня на родине в горах. Хотя на самом деле никто так, конечно, не думает. Обычная вежливая формула; когда гость этого не понимает, может получиться довольно неловко. Впрочем, ради тебя я и правда готов расстараться. Но учти, бродить по городу нам придется очень долго. Целый день или целый год, как повезет. И все равно не факт, что мы непременно отыщем интересующий нас образец.

«Что и требовалось доказать», – торжествующе подумал я.

– А, так вот в чем штука, – оживился Джуффин. – Ты думаешь, я просто сочинил проблему. Ухватился за первый попавшийся предлог, чтобы заинтересовать тебя и заманить в Ехо. А на самом деле никаких сверхъестественных гостей, не умеющих проснуться дома, у нас тут нет. Ну или, может быть, есть парочка, но это случайное совпадение, и вообще несущественно. Так?

– Ну да, примерно. Впрочем, я этому рад. Ты правильно сделал, что притащил меня сюда. Сам бы не вернулся, я упрямый. Вернее даже упертый. И иногда это сильнее не только здравого смысла, но даже любви. А тебя я как-то привык слушаться. Полезный условный рефлекс. Ты сказал: «пошли», – и я пошел, предварительно вернув свое драгоценное мнение на его тайную мистическую родину. То есть в задницу. Ты все-таки очень хорошо меня знаешь.

– Еще как знаю. Но из этого вовсе не следует, будто я тебя обманул. Это просто не нужно. Если бы проблемы со сновидцами не было, я бы сказал тебе какую-нибудь другую правду, не столь причудливую, но оттого не менее драматическую. Например, признался бы, рыдая на груди, что не рассчитал свои силы, когда отправил совершенно незаменимого сэра Шурфа командовать Орденом Семилистника, а теперь поздно, дело сделано, его место пусто, и это надо как-то исправлять. Ты, конечно, тоже его не заменишь, зато будешь так нелеп в этой роли, что компенсируешь мне моральный ущерб и даже одинокие страдания над ежегодными отчетами. Впрочем, я мог бы вовсе обойтись без причитаний: ты проиграл мне в «Крак» сто прекрасных долгих лет, и теперь будь добр прожить их, как я пожелаю. Долг чести игрока. Зачем в такой ситуации что-то сочинять?

– Да просто для красоты, – ухмыльнулся я.

– Аргумент, – согласился Джуффин. – Тем не менее проблема действительно есть, так уж счастливо все совпало. Просто она пока не бросается в глаза. Гениальных сновидцев мало, как мало, скажем, по-настоящему могущественных колдунов – даже у нас в Угуланде, где сила Сердца Мира, теоретически, доступна всем желающим. А может, еще меньше. Лично я за все время встретил только троих. Впрочем, специально не искал, просто не до того было.

– И что? – жадно спросил я. – Какие они?

От моего увесистого, с любовью взлелеянного, щедро удобренного житейским опытом скептицизма к тому моменту остались рожки да ножки. Все-таки я очень любопытный.

– Да знаешь, ничего такого, чем можно поразить твое воображение. Одна женщина часто попадалась мне на глаза в городе, как будто нарочно. Смотрела так, словно хотела о чем-то попросить. Но при попытке завязать беседу шарахалась от меня, как от больного анавуайной. И исчезала, благо сновидцам это легче легкого, достаточно захотеть. Я, собственно, только тогда и сообразил, с кем имею дело, когда обратил внимание, что ее исчезновения происходят вовсе без применения магии. По крайней мере, без той магии, которая знакома мне, а я считаюсь довольно компетентным экспертом. Что же касается той женщины, понятия не имею, чем она тут у нас занималась; по крайней мере, за все это время не припомню ни одного необъяснимого происшествия. Скорее всего, просто ходила и смотрела по сторонам. Могу ее понять, Ехо и наяву ничего себе город, а сновидение из него должно получиться выше всяких похвал. В любом случае, эта женщина давно перестала мне встречаться. Надеюсь, проснулась. Но скорее всего, просто умерла – там, у себя дома.

– С чего ты взял?

Я сам удивился резкости своего тона. Очень рассердился, что он это сказал. И еще больше на себя – что не заткнул вовремя уши. Как будто судьба неизвестной и не факт что вообще существующей женщины зависела от решения Джуффина. Или даже от того, услышал ли я его слова. И теперь – вот именно теперь – для нее все кончено.

– Некоторые вещи не хочешь, а все равно знаешь, – пожал плечами Джуффин. – Надо же, как близко к сердцу ты принял ее историю. Совершенно от тебя не ожидал. И, честно говоря, очень рад. Прости, это сугубо стратегическая радость. Сами по себе твои страдания не доставляют мне наслаждения.

– Догадываюсь, – вздохнул я. – Ты уже представил, с каким энтузиазмом я стану носиться по городу, разыскивая кандидатов на счастливое спасение. Вероятно, так и будет. Один-ноль в твою пользу. Но ты говорил, что встретил троих? Что с остальными?

– Была еще одна женщина, довольно молодая. Эта по городу без цели не слонялась, а счастливо жила в просторном доме на берегу Хурона с мужем и детишками. Нечего и говорить, что и дом, и муж, и детишки – просто наваждение, зато очень качественное, муж даже нескольких приятелей успел завести, а детишки – допечь своими проказами соседей. На них случайно обратил внимание Кофа, чей знакомый как раз недавно приценивался к участку, где внезапно появился дом, и выяснил, что эта земля мало того что не продается, так еще и не годится для строительства, слишком уж близко к воде. Когда я начал понимать, что происходит, удивился, как давно не доводилось. И сдуру решил, что сперва следует спросить совета у более опытных коллег, а уже потом что-то делать. Но пока я наносил визиты, леди с семейством исчезли совершенно самостоятельно; как, куда и зачем, понятия не имею, поскольку не присутствовал при этом событии.

– Думаешь, ей тоже кирдык? – упавшим голосом спросил я. – Или просто проснулась?

– Честно? Не знаю. Зато с последним из троицы все точно в полном порядке. Забавный был тип: когда он говорил, из его рта вылетали птицы, часто довольно крупные. Вероятно, их вид и щебет должны были создавать какой-то дополнительный подтекст, но я, каюсь, не расшифровал. Зато довольно быстро смекнул, с кем имею дело. Если видишь человека, который творит чудеса, а Очевидной Магией при этом не пользуется, скорее всего, мы ему просто снимся. Единственная более-менее верная примета, сэр Макс, запомни ее, пригодится.

– Да как же я пойму, пользуется он Очевидной Магией или нет? – возмутился я. – Также мне, нашел специалиста.

– Специалист из тебя и правда никакой. Но, помнится, еще в самый первый день службы тебе выдали кинжал с вмонтированным в рукоять индикатором. Эта штука не только свидетельствует о применении магии, но и любезно сообщает ее ступень.

Ох, а ведь точно. Была у меня такая полезная вещь. Понять бы, куда она подевалась за время моего отсутствия. Или, будем честны, еще задолго до него.

– Догадываюсь, что ты его давным-давно посеял, – ухмыльнулся Джуффин. – Но по правде говоря, невелика беда. Я даже не оштрафую тебя за халатность, а просто выдам новый. Да хоть дюжину, не жалко. У нас этих индикаторов – завались. Ребята из Семилистника их в свое время столько наклепали, что до сих пор кладовые ломятся. Собственно, правильно сделали, потому что иного способа законно зафиксировать ступень применяемой магии так и не изобрели. А это до сих пор актуально. Многие ограничения все-таки остались.

– Тогда хорошо, – кивнул я. – А что стало с забавным типом и его птицами?

– Ничего из ряда вон выходящего. Он согласился поболтать со мной за кружкой камры, и я легко убедил его проснуться, пока не поздно. К счастью, этот сновидец вовсе не имел намерения задерживаться у нас навсегда. И платить за такое удовольствие жизнью определенно не собирался. Поблагодарил за предупреждение, вежливо пообещал еще как-нибудь нас навестить и проснулся совершенно самостоятельно, без посторонней помощи. Очень меня выручил. Я-то голову ломал, пытаюсь понять, с какого конца братья за это дело.

– Э, стоп. погоди. Хочешь сказать, ты не знаешь, как их будить?

– Не-а. На сегодняшний день у меня есть только одна идея: отправиться туда, где лежит спящее тело, и хорошенько его потрясти – с применением всех полезных навыков, которые я успел приобрести за несколько сотен лет изучения магии. Авось что-то да получится. Но как отыскать это грешное тело, пока не понимаю. В отличие от нормального путешественника между Мирами, сновидец не оставляет следов. Вообще никаких, прикинь.

– Ничего себе. И что я в таком случае буду с ними делать?

– По ходу как-нибудь разберешься, – беззаботно ответил Джуффин. – Ты у нас всегда специализировался на невозможном, изредка отвлекаясь на немыслимое. И именно это делало тебя счастливым. Надеюсь, так будет и впредь.

– Ладно, предположим, – неохотно согласился я. – Может, и разберусь. И возможно, это действительно сделает меня счастливым. Хотя вот прямо сейчас довольно трудно представить, откуда все это возьмется. Настолько беспомощным я себя давно не чувствовал.

И умолк, махнув рукой. Что толку спорить с Джуффином, если однажды все равно выяснится, что он был прав. Рано или поздно, так или иначе, возможно, через тысячу лет, но выяснится непременно.

Дело за малым: как-то пережить эту тысячу лет и не спятить.

– Беспомощность – это просто от усталости, – сочувственно сказал Джуффин. – Тебе, если по уму, после всех этих диких прыжков между реальностями и прочих приключений еще бы пару суток поспать. А ты по городу бегал. Еще и ко мне заявился в финале. Очень глупо с твоей стороны. Ясно же, что я сразу заведу разговор о делах и буду не в меру напорист и утомителен. Ты не первый день меня знаешь и сам мог бы сообразить, что наиболее разумный поступок в такой ситуации – спрятаться от меня в шкафу.

– Просто разумные поступки – не моя специализация, – объяснил я. – В отличие от невозможного и немыслимого.

– И то верно. Тогда разумным придется стать мне. Лучше поздно, чем никогда.

Я опомниться не успел, как он ухватил меня за шиворот, поднял на ноги, встряхнул, а когда отпустил, я шлепнулся в кресло, установленное в его гостиной. Когда тебя без предупреждения тащат куда-то Темным путем, это выглядит именно так. И никаких мистических ощущений.

– До спальни-то сам доберешься? – заботливо спросил Джуффин.

– На кой черт мне спальня, – вздохнул я. – С ног валюсь, а все равно не усну. У меня голова от информации раскалывается. Там внезапно зародились мысли, умные и не очень. Топочут, как менкалы, роняют стулья и вопят друг на друга как портовые нищие в конце попойки.

– Не знал, что у тебя в голове есть стулья, – восхитился он.

– Да я и сам не подозревал. Пока эти гады не начали их ронять.

– Ничего, сейчас мы их утихомирим. Уж что-что, а усыпить я могу кого угодно, в любой момент, невзирая на обстоятельства.

– Наверное, так и надо со мной поступить, – согласился я. – Только сперва объясни мне вот что. Ты говоришь, что пока встречал только троих сновидцев, застрявших в Echo. Но почему-то уверен, что на самом деле их больше. И что все они в смертельной опасности. И знаешь еще кучу подробностей: что выглядеть они могут по-разному, что способны на невероятные вещи – да вот хотя бы в восемнадцати телах по городу гулять. Но при этом понятия не имеешь, как им помочь. Зато заранее совершенно уверен, что я всех спасу. Все это настолько нелогично, что даже немного похоже на правду. И при этом не лезет ни в какие ворота. Скажи хотя бы, откуда у тебя такая информация? Только учти, если окажется, что ее ты тоже получил во сне, я чокнусь, не сходя с места. Хоть что-то должно происходить наяву! Мне так спокойнее.

– Не во сне, – улыбнулся Джуффин. – Я рад, что ты начинаешь хотеть мне поверить.

– Да я с самого начала этого хочу.

– Вполне возможно. Но еще больше ты хочешь чувствовать себя чрезвычайно умным и опытным человеком, который видит меня насквозь. А это несбыточная мечта, сэр Макс. То есть умный-то ты умный, не вопрос. Особенно в последнее время. На мой вкус, даже слишком. Но насквозь я и сам себя вижу, скажем так, с переменным успехом.

Это утверждение было похоже на правду даже больше, чем все остальное.

– Но вопрос ты задал хороший, – сказал Джуффин. – Я бы и сам на твоём месте об этом спросил. Впрочем, ответ тебе и так известен: у меня был отличный учитель. Ты с ним, хвала Магистрам, знаком и примерно представляешь, как мне в своё время повезло. Почти всем, что я знаю и умею, я обязан Махи, это не секрет.

Я был разочарован. Ясное дело, про Махи Аинти – чистая правда. Такой чему угодно мог научить. Но от этого моё разочарование только увеличилось. Получается, никакой сказки на ночь не будет. А я-то губу раскатал.

– А что, к вам в Кеттари тоже однажды забрел такой сновидец? – спросил я без особой надежды на продолжение, просто для порядка. – И Махи не смог разбудить его дома? Надо же. В голову не пришло бы, что он хоть чего-нибудь не умеет.

– В это и мне не верится, – согласился Джуффин. И помолчав, неохотно добавил: – Никто к нам на моей памяти не забредал. Некого было будить.

Я помалкивал, но чувствовал, что постепенно превращаюсь в гигантский вопросительный знак. Интересно, какая это ступень магии? И можно ли будет меня потом как-нибудь расколдовать?

– У меня в детстве был друг, – наконец сказал Джуффин. – Мальчишка с соседней улицы. Дом у них был синий, а стекла в окнах старинные, с дымом, чтобы с улицы не было видно, что внутри делается. Очень красивые. Мы потому и познакомились, что я ходил на их окна смотреть. Прикидывал, удастся ли мне разбить одно и успеть удрать с куском стекла. Очень хотел его заполучить. Но поскольку уродился не в меру разумным и основательным, долго пытался придумать идеальный план – чтобы шума поменьше, и осколков набрать побольше, и удрать незамеченным. Дело кончилось тем, что Шаршин меня увидел и позвал в гости знакомиться. Он был простужен, сидел дома один и скучал. А когда узнал, что мне нравятся их стекла, не раздумывая стукнул по окну молотком, собрал осколки, несколько отдал мне, остальные выбросил на улицу. Объяснил: скажу отцу, что выходил на кухню, а когда вернулся, окно уже было разбито, и вокруг никого. Я был потрясен, причем не столько его щедростью, сколько хитростью. То есть самой концепцией – говорить, что вздумается, вместо того, чтобы честно пересказывать известные тебе факты.

– Так вот кто научил тебя так ловко врать, – улыбнулся я. – А я-то думал, тоже Махи.

– Ха! Махи пришлось заново учить меня говорить правду. Точнее, доказывать, что иногда это имеет смысл. Потому что к моменту нашей с ним встречи я заврался настолько, что сам себе верить перестал. Но речь сейчас не о нем, а о Шаршине. Наша дружба – лучшее, что случилось со мной в детстве. Уж на что я в ту пору был мрачным хмырем, а с ним мне было интересно. Порой даже весело, по крайней мере, смеяться я выучился именно тогда. А прежде никак не мог понять, почему люди время от времени начинают трястись всем телом, издавая лающие звуки. И почему, ради Темных Магистров, считается, будто им в этот момент хорошо?!

– Ну ничего себе, – озадаченно сказал я.

– Таким уж я уродился, – пожал плечами Джуффин. – Понимаю, что сейчас в это непросто поверить. Но удивляться особо нечему: Истинная Магия кардинально изменяет людей. Меня же она переделала практически полностью. Ради одного этого имело смысл ею заняться. Оставаться таким, каков есть, в моем случае было бы глупо. Никакого удовольствия – ни мне самому, ни окружающим. Впрочем, Шаршина я вполне устраивал. И он оставался моим лучшим другом, несмотря ни на что. Втягивал меня в игры, подбивал на приключения, смешил и развлекал. До сих пор не знаю почему. Таких вопросов в детстве не задают, а взрослым он так и не стал. Потому что однажды уснул и не проснулся. Не смогли разбудить, как ни старались. Где-то полгода еще дышал, а потом перестал. Для меня это было огромное потрясение. И большое горе. Ты, кстати, второй человек, которому я о нем рассказываю. А первым был Махи. Когда я понял, что у него есть ответы вообще на все вопросы, меня было не заткнуть. С утра до ночи ходил за ним по пятам: «А это почему? А то? А где? А когда? А вот еще однажды был случай – это как понимать? Что делать? Кто виноват? Доколе?» И про Шаршина, конечно, тоже спросил. И тогда Махи рассказал, что порой случается с некоторыми талантливыми сновидцами, которым не повезло вовремя встретить толкового учителя. Как восхитительно они себя при этом чувствуют, на что оказываются способны, и чем обычно заканчивается этот праздник. Но живьем нам такие ни разу не попадались, наш Мир в ту пору еще не был «модным курортом», который снится всем подряд. Вот откуда у меня информация, сэр Макс. И вот почему ее недостаточно.

– И вот почему это для тебя так важно, – кивнул я. – Спасибо, что рассказал. Теперь все сходится.

– Думаешь, я настолько сентиментален? – удивился Джуффин. – Всегда был уверен, что произвожу несколько иное впечатление.

– Не сентиментален. Просто не любишь проигрывать. Настолько не любишь, что даже бывшие поражения стараешься отменить – отсюда, из сегодняшнего дня, задним числом. Однажды судьба отняла у тебя друга – давным-давно, когда ты не знал и не умел ничего такого, чтобы ей помешать. Друга не вернешь, и нового детства, которое можно было бы прожить вместе с ним, не будет, но если удастся разбудить и спасти хоть сколько-то других сновидцев, это в каком-то смысле сравняет счет. По крайней мере, ты покажешь этой засранке, кто в доме хозяин. В смысле, судьбе. Очень хорошо тебя понимаю. Сам такой. Есть в моей жизни несколько поражений, которые я тоже хочу отменить. Пусть задним числом, неважно, все равно. Понятия не имею, как это можно сделать, но не сомневаюсь, что однажды найду способ. Мало в чем я так уверен, как в этом.

– Зная тебя, заранее содрогаюсь, – совершенно серьезно сказал Джуффин. – И надеюсь не подвернуться под горячую руку. А теперь давай я тебя все-таки усыплю. Тебе правда надо выспаться, это я как знахарь говорю, а не как хозяин дома, желающий сэкономить на ужине.

– Ага! Так вот в чем интрига! – торжествующе воскликнул я.

– Можешь считать, это и есть тот самый коварный обман, которого ты ждал от меня весь день.

Я хотел возразить: «Всю жизнь», – но промолчал, побежденный собственным чудовищным зевком.

Когда я проснулся, было темно. Но из этого обстоятельства можно было сделать только один безошибочный вывод: окна спальни закрыты очень плотными занавесками. Отодвинув одну из них, я выяснил, что снаружи светло и так пасмурно, что время суток хрен определишь. Ясно, что не ночь, и на том спасибо.

В доме Джуффина кроме него самого обитают старый дворецкий Кимпа и маленький песик по имени Хуф. Оба мне чрезвычайно симпатичны, да и я всегда числился у них в любимцах. Однако сейчас я даже им не хотел показываться. Очень уж мне нравилось такое двойственное положение – судя по ощущениям, я тут, но с точки зрения окружающих меня сейчас вообще нигде нет. Когда еще доведется привести внешние обстоятельства в столь полную гармонию с внутренней правдой.

Опасался, конечно, что Хуф, наделенный острым чутьем, обнаружит меня сам и придет здороваться – поди такого непусти, если начнет скрестись в дверь. Но, видимо, запах мой за последние годы изрядно изменился. Или же умный пес читал мои мысли с такой же легкостью, как его хозяин, и понял, что ко мне лучше пока не соваться. Так или иначе, но Хуф деликатно держался на расстоянии. С Кимпой было еще проще: ни один хороший дворецкий не станет заходить в гостевую спальню, пока не позовут. А Кимпа – лучший из лучших.

Это означало, что уединение мое не будет нарушено, пока я сам того не пожелаю. Небольшой минус: завтраком оно тоже не будет нарушено. И даже кружка горячей камры не потревожит мой покой. Мне как-то рассказывали, что в Куманском Халифате принято оставлять подносы с едой и напитками во всех комнатах дома, включая пустующие – для невидимых духов Красной пустыни, которые не то чтобы в таком уж восторге от человеческой пищи, зато чрезвычайно ценят внимание и заботу и при случае платят за них сторицей. Прекрасный обычай! Но не переезжать же из-за этого в Куманский Халифат вот прямо сейчас, даже не позавтракав. Мда, круг замкнулся.

Впрочем, для человека, способного достать из Щели между Мирами все что заблагорассудится, отсутствие завтрака – беда поправимая. Уже ради одного этого стоило изучать Истинную Магию. Она хоть и может свести с ума не хуже уандукской, которой Джуффин меня давеча стращал, зато если проявишь стойкость, в один прекрасный день сможешь получить чашку кофе на любом краю Вселенной, не интересуясь, выращивают его тут или нет.

В Мире кофе, кстати, даже в виде дикорастущего сорняка отсутствует. И до сих пор никому в голову не пришло исправить роковую ошибку местной природы. Чем все эти толпы могущественных чародеев были заняты на протяжении последнего миллиона – или сколько там было в их распоряжении – лет, ума не приложу.

А камра, при всей моей симпатии к этому напитку, кофе не заменит. Как я тут выживал в первое время, неведомо. Я – мученик и герой.

Но после того как сэр Маба Калох научил меня добывать все необходимое из Щели между Мирами, с героизмом и тем более мученичеством было покончено раз и навсегда. Вот о чем я думал, с удовольствием прихлебывая капучино, извлеченный буквально из-под подушки, под которую мне пришлось сунуть руку, чтобы как следует сосредоточиться на процессе. Опытные мастера говорят, на самом деле прятать руку совершенно не обязательно, но я так привык.

Еще я думал, что надо бы послать зов Джуффину и спросить, сколько я проспал. Неужели и правда сутки? Или даже больше? Или наоборот, всего полчаса, и вечер еще не успел наступить? Не то чтобы это действительно так уж важно, но любопытно.

А «любопытно» – наиважнейший для меня аргумент. Ради этого даже Безмолвную речь с утра пораньше вытерпеть можно.

«Меньше суток, – сказал Джуффин. – Ты взялся за дело, спустя рукава. И продрых какие-то жалкие восемнадцать часов. Не узнаю тебя, сэр Макс. Был такой старательный мальчик, вечно перегибал палку, а теперь...»

«А теперь повзрослел и расслабился, – согласился я. – Всюду палки недогнутые валяются, анархия и бардак. Но у меня есть смягчающее обстоятельство: я очень хорошо выспался. И похоже, даже готов жить дальше. Осталось вспомнить, как это делается».

«Строго говоря, жизнь – это непрерывное взаимодействие с реальностью. И людьми, как важной составляющей частью ее. Поэтому на твоём месте я бы для начала просто снял плащ-невидимку. Я-то связан по рукам и ногам законами гостеприимства, а потому не стал насильственно разлучать с ним твоё спящее тело. Хотя Кофа может в любой момент обнаружить недостачу и потребовать своё добро назад. Впрочем, я отлично провожу время, сочиняя, как объяснить ему эту пропажу».

«Например?»

Спросил и тут же пожалел. Я уже говорил, как устаю от Безмолвной речи. И впредь постоянно буду на нее жаловаться, это моя любимая сиротская песня, честно выстраданный коронный номер. Потому что все эти красавцы, мои друзья и коллеги, часами могут так болтать, как школьницы по телефону, а я уже через несколько минут в обморок грохнуться готов от напряжения.

Джуффин, конечно, знает о моих затруднениях. И несмотря на это, никогда не упускает возможности поговорить со мной подольше. Вернее, не «несмотря», а как раз поэтому. Все-таки наемные убийцы «бывшими» не становятся никогда.

А тут я сам такой прекрасный повод дал. И он, конечно, принялся рассказывать очень подробно.

«Например, один мой приятель, вдохновенно экспериментируя с малоизвестными древними заклинаниями, нечаянно вызвал демона из иного Мира. Демон, на его счастье, оказался милейшим чудачком, добродушным, но любопытным до крайности. Очень обрадован, что все столь удачно сложилось, и наотрез отказывается возвращаться домой, пока не увидит, как тут у нас устроена жизнь. С одной стороны, пусть себе глазеет, не жалко. А с другой, облик его столь ужасен, что выпускать такого красавчика на улицу – преступление, причем в первую очередь против него самого. Детишки проходу не дадут, засмеют и испортят все впечатление от прогулки. Решили, пусть бродит невидимым, так будет лучше для всех. Убедительно звучит?»

«Вполне», – подтвердил я, ликуя, что монолог оказался довольно коротким. Но не тут-то было.

«А вот и нет! – огорошил меня Джуффин. – Очень слабая версия. Ну сам подумай, Кофа же наверняка захочет познакомиться с демоном. Он тоже любопытный, не хуже других. Тогда придется говорить, что демон ушел гулять в одиночестве и обещал объявиться не раньше, чем дня через три. А потом соврать, будто наш гость устал, новых знакомств заводить не желает и вообще уже смотался домой. Бессмысленное нагромождение бездарной лжи. Ну уж нет, так низко я падать не намерен».

«Ладно, не падай», – покорно согласился я.

«Зато вот тебе другой вариант: оказывается, на пришедшем вчера утром Шиншийском бахуне прибыл один из тамошних молодых принцев – тайком, инкогнито, просто по трактирам погулять. И только ступив на берег, бедняга понял, что костюм, заказанный специально для этого визита, за время пути вышел из моды. А такого позора он даже инкогнито не переживет. Пришлось одолжить его высочеству плащ-невидимку для похода по модным лавкам. Как только стащит себе что-нибудь подходящее, тут же вернет – и казенное имущество, и деньги за покупку. Это уже гораздо лучше, потому что если принц желает гулять по Ехо инкогнито, Кофа его беспокоить не станет. Благо, в отличие от меня, не связан с Шиншийской династией узами Третьей Тайной Дружбы».

«А ты связан? Причем не какой-нибудь, а именно «третьей» и «тайной»? Ну ничего себе», – изумился я.

«Так получилось. Это долгая история, – сказал Джуффин. И с откровенным ехидством предложил: – Хочешь, расскажу?»

«Хочу, – обреченно сказал я. И усмирив гордыню, поспешно добавил: – Только не прямо сейчас, если можно. А то у меня голова взорвется».

«Ладно, – милосердно согласился он. – Раз так, оставляю тебя в покое. Скажи только, что ты решил с плащом? Когда я смогу вернуть его Кофе? Потому что если не скоро, Шиншийского принца мне лучше не поминать. Не может же он годами выбирать себе одежду. У нас теперь даже на заказ шьют всего за час, хвала тридцать второй ступени Черной Магии и последним поправкам к Кодексу. Придется придумать что-нибудь еще».

«То есть ты не против, чтобы я побыл невидимкой подольше?» – обрадовался я.

«Против, конечно. Но это совершенно неважно. Как хочешь, так и поступай. В любом случае, я готов помогать тебе по мере сил. Комната в моем доме останется за тобой сколько пожелаешь. Если тебе приспичило жить невидимкой – ладно, Магистры с тобой, я готов соврать Кофе, будто уродливый демон из неведомого мира отправился домой в его плаще. Не со зла, просто по рассеянности. И мой приятель изо всех сил пытается вызвать его снова, но пока безуспешно, зато куча неведомой дряни не пойми откуда поналезла на заклинания, только успевай отбиваться. Но мы, конечно, не оставляем усилий».

«Спасибо, – сказал я. – Круто знать, что ты настолько за меня. Я на самом деле не очень долго собираюсь... Хотя... Или... Слушай, дай мне еще пару часов. Надо как следует подумать».

«Звучит угрожающе».

Безмолвная речь обычно плохо передает интонации, но я все равно чувствовал, что Джуффин улыбается. И был готов спорить, что он уже знает, кому придется думать вместо меня. И к чему приведут эти размышления. И как мы будем смеяться, вспоминая об этом дюжину дней или лет спустя. То есть я еще ничего толком не решил, а он все равно знает, и с этим ничего не поделаешь.

«Только не вздумай угонять мой амобилер, – сказал напоследок Джуффин. – Мне не жалко, просто амобилер, несущийся без возницы со скоростью, как ты любишь, сто миллиардов миль в час, по-прежнему не считается в Ехо обычным явлением. Несмотря на все поправки к Кодексу Хрембера и буйный расцвет любительского колдовства. Происшествие гарантировано попадет в обе газеты и возможно даже войдет в официальные «Королевские хроники особо досадных событий, омрачивших эпоху правления Его Величества Гурига Восьмого». Это будет воистину триумфальное возвращение, сэр Макс. Но я не уверен, что ты хочешь именно такого эффекта».

Ох нет.

Не так уж долго оказалось идти пешком от дома Джуффина на Правый берег. Чуть больше часа неспешным шагом, глаза по сторонам. Я почему-то думал, гораздо больше. Хотя в амобилере когда-то преодолевал это расстояние буквально за пару минут. Со скоростью «сто миллиардов миль в час», совершенно верно. Зачем мне был какой-то дурацкий Темный путь? Неудивительно, что это полезное искусство я так толком и не освоил, только по чужим следам ходить могу, как юный столичный аристократ, сызмальства обученный следовать за матушкиной юбкой.

На Правый берег я шел не просто так. У меня был план. Прекрасный. В смысле, неопишимо идиотский. Самому не верится; до сих пор горжусь.

Сворачивая к Иафаху, я даже шаг ускорил – вот как был доволен собой.

При Великом Магистре Нуфлине Мони Махе Явные (то есть общедоступные) ворота главной резиденции Ордена Семилистника открывались только на рассвете и на закате. Причем для всех посетителей сразу, начиная с Королевских курьеров и заканчивая особо простодушными иностранцами, которые иногда приходят в Иафах как в музей, в надежде бесплатно поглазеть на знаменитых угуландских колдунов; еще и обижаются, когда им отказывают в аудиенции. Кроме них войти обычно желали любовницы и приятели адептов Ордена, пришедшие их навестить, торговцы с заказанным товаром, городские сумасшедшие, замыслившие покушение на Великого Магистра при помощи табурета с остро заточенными ножками, законопослушные граждане за разрешениями на разовое применение магии высокой ступени, юные карьеристы из провинции, жаждущие немедленно вступить в Орден, журналисты из «Королевского голоса», твердо намеренные получить официальный комментарий по очередному щекотливому вопросу, и до кучи какой-нибудь портовый нищий, имевший неосторожность проиграть в карты на желание и отправленный в Иафах за милостыней – в ту пору это была любимая штука городского дна; учитывая общеизвестную скарედность покойного Магистра Нуфлина, довольно злая.

Рассказывают, иногда у Явных ворот собирались здоровенные очереди; потом все посетители одновременно вламывались в приемную, и дежурный сходил с ума, пытаясь понять, кто все эти люди, или хотя бы разобрать, что они говорят.

Сэр Шурф Лонли-Локли, единственный известный мне человек, способный привносить в бюрократию здравый смысл, став новым Великим Магистром Ордена, первым делом прикрыл этот бардак. В смысле, издал соответствующее распоряжение, и Явные ворота теперь держат нараспашку круглосуточно. А на пороге всегда дежурит кто-нибудь из Младших Магистров. Ясно, что дальше приемной все равно почти никто не пройдет, но некоторых особо одаренных веселой природой визитеров и в приемную допускать не следует. Вот их-то и отсеивают прямо на входе.

Я очень надеялся, что не попаду в их число – плакал тогда мой замысел. И, что гораздо обиднее, труд. Тяжелый мучительный получасовой труд перед зеркалом, где я, тщательно выполняя только вчера полученные от Джуффина инструкции, пытался превратиться в согбенную старуху. В смысле, соответствующим образом изменить лицо. За тело я на этом этапе браться не решился бы; к счастью, здешняя одежда так хорошо скрывает подробности, что для маскировки вполне достаточно хорошенько ссутулиться и, скажем, слегка

захромать.

Образ был выбран сразу по нескольким причинам. Во-первых, когда еще ни черта толком не умеешь, проще наворотить неведомо чего, чем аккуратно внести в свой облик небольшие, но значимые изменения. Чем нелепей результат, тем менее заметны ошибки, которых новичку не избежать. Одна глубокая складка на лбу должна выглядеть достоверно, зато когда морщин несколько сотен, никто не станет оценивать качество каждой из них. Мне, конечно, здорово не хватало соответствующего парика, но и тут нашелся выход – если скрутить из покрывала громоздкий тюрбан, достойный венчать голову любого городского сумасшедшего, никому в голову не придет приглядываться, торчит ли из-под него хоть одна седая прядь. По крайней мере, первые несколько минут. А дольше вряд ли потребуется.

Во-вторых, я решил, что так меня будет труднее всего узнать. Просто никому в голову не придет при взгляде на нелепо одетую старушеницу: «А уж не сэр ли Макс это случайно?» Я всегда считался довольно эксцентричным, но все же есть поступки, которых от меня не ожидает никто, даже люди, очень хорошо меня изучившие. То есть они – в первую очередь.

Ну и в-третьих, мне показалось, что так смешнее всего. На самом деле, одного этого аргумента было достаточно. Когда ты выбит из колеи, растерян, нервничаешь, устраивай балаган – такое у меня правило. Оно не настолько нелепо, как может показаться – хотя бы потому, что позволяет отвлечься. К тому же, пока я маюсь дурью, в жизни образуется своего рода пауза, в ходе которой взволновавшие меня обстоятельства вполне могут опомниться и стать более благоприятными; не сказал бы, что так случается всегда, но шанс есть.

Все вышесказанное более-менее объясняет, почему вместо того, чтобы просто послать зов самому близкому и надежному из своих друзей, сказать: «Я вернулся в Ехо, ай, не спрашивай, сам в шоке; мне срочно нужен совет и просто поговорить», – я решил устроить для него нелепый розыгрыш с переодеванием.

Хотя существует и альтернативное объяснение, короткое и внятное: я – придурок, каких свет не видывал. По крайней мере, иногда я точно он.

Это я не то чтобы сейчас, задним числом понял. А прекрасно осознавал и в тот момент, когда снимал плащ-невидимку, кое-как спрятавшись от любопытных

глаз за чужим забором, буквально в квартале от Явного входа в Иафах. Плащ, скомкав, сунул за пазуху – если я у нас не старик, а старуха, значит, мне полагается бюст. И не те мои годы, чтобы окружающих могла смутить его, скажем так, не совсем классическая форма. Зеркала под рукой у меня, увы, не было, но я всласть налюбовался собой заранее, перед выходом, и воспоминание было еще свежо. Я твердо знал, что прекрасен – в своем роде, конечно. И совершенно не опасался быть узнанным. Никаких шансов. Сам бы не узнал.

– К сожалению, леди Сотофа Ханемер никогда не принимает посетительниц, пришедших к Явному входу, – вежливо сказал мне немолодой бородатый дежурный, до моего появления скучавший на пороге в полном одиночестве. И, подумав, добавил: – Леди, подобные вам, обычно находят какой-нибудь иной способ с ней связаться. Надеюсь, у вас тоже получится.

Судя по его реакции, маскарад мой удался даже лучше, чем я смел надеяться. Однако встреча с леди Сотофой в мои ближайшие планы не входила. Кому-кому, а ей на глаза в таком виде лучше не попадаться. Потому что проходу потом не даст, задразнит до полусмерти и будет знакомить со своими девочками: «А это у нас сэр Макс, старейшая безумная ведьма в Соединенном Королевстве». И так далее.

Поэтому я поспешно сказал, понизив голос до заранее отрепетированного хриплого шепота, который, теоретически, мог бы принадлежать простуженному человеку любого возраста и пола:

– Спасибо, детка, я знаю путь, которым ходят к Сотофе. Но нынче мне требуется потолковать не с нею, а с вашим новым Великим Магистром. Говорят, он смышленный мальчик.

Дежурный Магистр, надо отдать ему должное, держался молодцом. Проглотил и «детку», и панибратскую «Сотофу» без «леди». Но на «смышленном мальчике» все-таки сломался. В смысле, почти неуловимо дрогнул лицом. И вместо того, чтобы сразу послать докучливую старуху в моем лице подальше, застыл в нерешительности. Все-таки бабка молодец. То есть я.

Однако железо следовало ковать, пока горячо. Моя старушенция подошла поближе к бородатому «детке» и интимно прохрипела в самое ухо:

– Боишься, начальство рассердится, что его беспокоят по пустякам? Но тут совсем не пустяки! Просто передай ему, что город Кеттари внезапно исчез с лица земли. И я знаю, кто в этом виноват.

Я не сомневался, что на такую новость сэр Шурф примчится как миленький, как бы и чем бы ни был занят. Разбираться с городком Кеттари, который не то чтобы действительно исчез, но стал частью иного мира, а потому недостижим для путешественников, имеющих неосторожность отправиться туда без проводника, снабженного всеми необходимыми для успешного перехода волшебными амулетами, мы ездили вместе – так и хочется сказать, тысячу миллиардов вечностей, но на самом деле всего какую-то дюжину лет назад. Поездка вышла по всем статьям незабываемая – уже хотя бы потому, что меня по такому случаю превратили в юную леди по имени Мерилин. Начальство утверждало, будто делает это исключительно из соображений секретности, но я до сих пор уверен, что просто для смеха. И в этом смысле затея удалась – так много, как в те дни, когда меня готовили к поездке, мы, пожалуй, никогда не ржали.

Впрочем, и мое дурацкое преобразование, и даже само по себе путешествие в иную реальность меркнут в сравнении с прочими событиями той экспедиции. С тех пор при всяком упоминании о Кеттари у меня случаются нервный тик и блаженная улыбка – одновременно. И у сэра Шурфа они тоже непременно случались бы, не уродись он образцом сдержанности и самообладания. Но будь ты хоть трижды образцом всего на свете, любопытства-то никто не отменял.

Этот благородный порок оказался, на мое счастье, присущ и дежурному Магистру. По крайней мере, он проводил меня в приемную. Большая победа! Пока я топтался на улице, было ясно, что начальство на встречу со мной не позовут. А теперь – как знать.

В приемной я немедленно уселся в самое удобное кресло и придал своему наспех состряпанному морщинистому лицу выражение, являющее достойный компромисс между «внимайте и трепещите, я открою вам все тайны вселенной» и «сейчас как укушу!». Я его и без всяких переодеваний регулярно применяю, идеальная маска для предъявления себя той части человечества, с которой тебе в данный момент решительно не о чем говорить.

Сэр Шурф появился на пороге много быстрее, чем я смел надеяться. То есть практически сразу же, я еще в кресле как следует устроиться не успел, а он уже

вошел, зыркнул на меня надменно с высоты своего роста и почти сразу отвернулся, но я успел заметить, какими отчаянно круглыми стали его глаза. Собственно, ради этого мгновения все и затевалось.

– Неважно выглядишь, леди Мерилин, – наконец сказал мой друг. – Не выпалась, наверное? Или съела что-то не то? Не бережешь ты себя.

Это, конечно, был мат – не в три хода, в один. Иного я, впрочем, и не ожидал. Хотя в глубине души почему-то надеялся.

– Ты меня натурально убиваешь, сэр Макс, – сказал мой друг, запирая за нами дверь.

– Ты меня тоже. Мог бы милосердно прикинуться, что не сразу узнал. Представляешь, как я старался?

– Плохо старался, – безжалостно отрезал Шурф. – Никуда не годится. Достаточно одного взгляда, чтобы вывести тебя на чистую воду. Впрочем, справедливости ради следует признать, что моих дежурных ты все-таки провел. А они – люди довольно опытные. Спектакли с переодеваниями нам тут чуть не через день устраивают. Следовательно, твой маскарад вполне удался, и я зря придираюсь.

– Как всегда, – усмехнулся я. – Ничего страшного, меня это даже успокаивает. В тот день, когда ты наконец перестанешь придирааться, я заподозрю, что попал в рай. И начну нервничать.

– Насколько я помню, согласно причудливой мифологии, к цитатам из которой ты прибегаешь несколько чаще, чем допускает мое старомодное представление о безупречном стиле, в «рай» попадают только после смерти? Тогда никакого рая. Даже и не мечтай. С твоим талантом рано или поздно получить желаемое подобные мечты до добра не доведут.

Он был строг, как лекарь, отнимающий конфету у склонного к ожирению сироты.

– Вообще-то до сих пор я и не мечтал. Но теперь вполне могу начать. Просто из чувства противоречия. Ты меня знаешь.

– Ты не учи́тываешь, что ситуация кардинально изменилась, – надменно ответил сэр Шурф. – Причем не в твою пользу. Нынче я любой запрет могу закрепить законодательно. Все предложенные мной поправки к Кодексу Хрембера до сих пор принимались без обсуждений, и я не вижу причин для изменения этой тенденции в дальнейшем. И если завтра в Кодексе появится новая статья, запрещающая гражданам Соединенного Королевства мечтать о рае, никто и бровью не поведет. Разве что попросят разъяснить значение термина отдельным развернутым комментарием. И я, разумеется, не поленюсь это сделать. После чего каждая мечта о рае обернется для тебя тремя годами в Холоми, сэр Макс. Или даже десятью, целее будешь.

– Шантаж, запугивание и угрозы, – мечтательно сказал я. – Как же я соскучился по такому скверному обращению! Все-таки ты до изумления злой колдун. Не хуже мятежных Магистров.

– Ну, строго говоря, я и есть один из них.

Историческая правда была на его стороне. Я махнул рукой и рассмеялся.

– Совершенно невозможно серьезно с тобой говорить!

– В твоих устах это очень высокая оценка. Даже не чаял ее заслужить, – церемонно ответил мой друг. – Тем не менее вынужден тебя разочаровать. Говорить со мной серьезно все еще можно. А время от времени, к сожалению, даже необходимо. Но я работаю над собой. Еще пара дюжин лет, и с этим недостатком будет покончено.

И наконец улыбнулся, давая понять, что спектакль в мою честь завершен. Теперь можно просто нормально поговорить.

– Ты когда вернулся-то? – спросил он.

– Прошлой ночью.

– И как себя чувствуешь? Мир больше не сопротивляется факту твоего существования?

– Да вроде не особо, – осторожно ответил я. И поспешно добавил: – Я не врал тебе, когда говорил, что физически не могу здесь находиться. Так было. Но Джуффин сказал, этому горю помочь несложно. Просто когда хочешь уладить отношения сразу со всем Миром, следует договариваться не с могущественными людьми и даже не с самим собой. А с его изнанкой. Все вопросы решаются там. И отправил меня на Темную Сторону, трижды напомнив, что там мои слова имеют силу заклинания. И, как всякое стоящее заклинание, неотменяемы. Велел очень осторожно формулировать. И я, представь себе, справился. В кои-то веки не стал выпендриваться.

– И что именно ты там сказал? Слово в слово? Помнишь?

– Просто: «Я хочу здесь жить». И все. Никаких подходящих к случаю двусмысленных афоризмов и мне самому непонятных терминов, если ты этого опасешься.

– Очень хорошо, – кивнул он. – Можешь ведь, когда хочешь. За это могу угостить тебя камрой. Не смотри на меня с таким ужасом, ты все перепутал. Это при Королевском дворе камра хуже иррашийской. А в Иафахе, напротив, лучшая в столице. С тех пор как леди Теххи покинула город, у здешних поваров не осталось серьезных конкурентов.

– Правда, что ли? – изумился я. – А ну давай!

– Прости, что сразу не предложил тебе камры, – церемонно сказал мой друг. – И не сообразил, что ты еще не обедал. И вероятно, даже не завтракал. И еще вопрос, ужинал ли вчера, – добавил он, наблюдая, с какой жадностью я тянусь к вазе с печеньем, которое, судя по твердости, исполняло сугубо декоративную функцию и благоразумно игнорировалось несколькими поколениями наших предшественников.

– Положа руку на сердце, я просто растерялся, – признался он. – Твое внезапное появление совершенно выбило меня из колеи.

– Не такое уж внезапное, – с набитым ртом возразил я. – К тому все шло. И мне кажется, ты понимал это лучше, чем я сам.

– Да, я был уверен, что рано или поздно Джуффин найдет способ притащить тебя обратно. Но все равно вышло совершенно неожиданно. Зная твое упрямство, я думал, это случится не так скоро.

– Еще несколько дней назад я был почти уверен, что этого вообще никогда не случится. Но потом легкомысленно проиграл Джуффину в карты ближайшие сто лет своей жизни. Теперь я у него в плену.

– Мы оба понимаем, что если бы ты не хотел проиграть, то и карт в руки не взял бы. Ты не настолько азартен.

– Ха. Я еще и поддавался на всякий случай. Ну вдруг ему перестало бы везти в самый ответственный момент? Всякое бывает.

– Очень разумно, – кивнул Шурф. – Я имею в виду твое стремление держать ситуацию под полным контролем. Раньше ты был фаталистом.

– Ну да. Вынужденно. Думаю, большинство фаталистов становятся таковыми только потому, что не умеют всерьез влиять на свою судьбу. И понимают, что не умеют. Что толку бессмысленно дергаться? Не можешь властвовать – доверяй. Это правило совсем не упрощает жизнь, зато экономит силы. Но стоит научиться отодвигать судьбу в сторону и добиваться своего, фатализма как не бывало.

– Однако для человека, добившегося своего, ты выглядишь недостаточно довольным, – заметил Шурф.

– Еще бы. Я же как – добился и сразу передумал. Обычное дело, ты меня знаешь. Но было уже поздно что-то менять. Оно и к лучшему, потому что, оказавшись в Echo, я тут же снова передумал. В смысле, обрадовался. Чуть не помер на месте от счастья. Но потом немного успокоился и передумал опять. Целых полчаса был ничему не рад, прикинь. Но и это прошло. До такой степени прошло, что я был готов целоваться с булыжниками мостовых. О Темной Стороне даже не говорю, это всегда безусловное счастье. Но с утра я заново схватился за голову: «Что я наделал?!» А когда вышел на улицу, мне стало хорошо, как никогда прежде – часа на полтора. Потом опять захотел сбежать. Так и болтаюсь между этими двумя позициями. Поэтому решил: ладно, что сделано, то сделано, но хрен кто меня тут увидит. И тебе зов не послал, потому что пока даже ты не знаешь, что я в Echo, меня тут как бы и нет. А если и есть, то не всерьез. Не считается. Так все-

таки полегче привыкать. Вчера весь день ходил по городу – изменив лицо, надев маску и еще Кофин укумбийский плащ сверху. Чтобы уж наверняка никто ничего не заподозрил. И как же мне тут понравилось, знал бы ты! Даже больше, чем в самый первый раз. Только что не рыдал на радостях; впрочем, к тому шло. Но плащ не снимал. И даже маску на лице оставил, хотя зачем она невидимке? Правильно, я тоже не знаю.

– А что на это говорит Джуффин?

– Он много чего говорит. Основные тезисы таковы: я веду себя как кретин, но он все равно на моей стороне. Принуждать к вменяемости не станет, подождет, пока я сам возьмусь за ум. Ну или не возьмусь и навек останусь невидимкой. Он и к такому повороту, похоже, готов. И заранее прикидывает, как это можно будет использовать.

– Разумеется готов, – кивнул Шурф. – Как и к нашествию зеленых кошек-людоедов из страшных сказок для сельских детей, рождению властелина мира из индюшачьего яйца, сквашиванию Великого Средиземного моря в сметану и любому другому даже теоретически невозможному событию. Ясно же, что тебе быстро наскучит валять одного и того же дурака. И ты если не образумишься, то по крайней мере сменишь концепцию. На этот счет и я совершенно спокоен. Собственно, из твоего визита ко мне следует, что тебе уже надоело скрываться.

– Конечно, надоело. Еще вчера! Но я все равно не могу решиться вот так среди бела дня зарулить в Дом у Моста и сказать: «Привет». Хотя, по идее, это должен быть прекрасный момент, немая сцена совершенно в моем вкусе. Заранее предвкушаю. И все равно туда не иду. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Вот объясни: почему я такой придурок?

– Да не придурок ты, – мягко сказал сэр Шурф. – А в кои-то веки ведешь себя, как совершенно нормальный человек. Просто боишься, что все пойдет не так. В смысле, не так, как было раньше. И оттягиваешь этот момент, как можешь. Многие на твоём месте опасались бы ровно того же. И вели бы себя примерно так же, если бы в их распоряжении оказался укумбийский плащ.

– Да, наверное, – неохотно согласился я.

– А ко мне ты пришел, чтобы я тебя успокоил, – продолжил он. – Потому что с твоей точки зрения я надежен как скала. В некотором смысле, так оно и есть. И сейчас я тебя успокою, сэр Макс. Раз и навсегда. Тебе и правда совершенно нечего бояться. Но только потому, что все уже давным-давно пошло «не так». И «как раньше» гарантированно не будет. Что-что, а это я могу обещать тебе с полной определенностью.

– Успокоил, называется.

– Именно так это и называется, – хладнокровно подтвердил мой друг. – Страх проистекает из неуверенности и порожденной ею надежды на так называемое «лучшее». Как только один из воображаемых вариантов развития событий начинает казаться предпочтительным, появляется опасение, что реализуется какой-нибудь другой. А когда точно знаешь, как обстоят дела, бояться становится нечего. Вот и тебе – нечего. Все не так, как раньше, это уже свершившийся факт. И чем быстрее ты его осмыслишь, тем раньше поймешь, что «не так» – вовсе не обязательно означает «хуже». А потом, возможно, наконец вспомнишь, что ты, мягко говоря, не совсем беспомощен. Скорее наоборот. Как ты захочешь, так все и будет. Вот чем тебе следует заняться немедленно – сесть, собраться с мыслями и в кои-то веки захотеть чего-нибудь толкового. А не абстрактного: «Чтобы опять было интересно, ни хрена не понятно, и я посреди всего этого – самый крутой». Подобные сценарии если и доводят до добра, то окольными путями. И далеко не всех.

– Иногда мне кажется, что весь светлый ум, доставшийся мне по милости природы, каким-то образом попал к тебе на хранение, – вздохнул я. – И пользоваться им получается только в твоём присутствии. Вроде бы совсем простые вещи ты говоришь. И я сам прекрасно все это знаю. Но прояснилось в голове только сейчас. Как кнопку нажали. И всегда так! Главное, конечно, чтобы ты не слинял с этим ценным имуществом на другой край Вселенной. Хорош я тогда буду.

– Ну, по крайней мере, в ближайшие несколько дюжин лет я отсюда никуда не денусь, – серьезно сказал он. – И буду в твоём полном распоряжении. Да и потом как-нибудь договоримся.

– Звучит обнадеживающе, – улыбнулся я.

– Но на самом деле это все, конечно, чрезвычайно досадно, – неожиданно объявил сэр Шурф.

Я опешил.

– Что именно?!

– Твое возвращение в Ехо, разумеется.

– Спасибо, – ухмыльнулся я. – Всегда знал, что ты мне обрадуешься. Но даже не предполагал насколько.

– Ай, брось, – отмахнулся он. – Ясно, что я рад тебя видеть; это настолько само собой разумеется, что вряд ли заслуживает отдельного обсуждения. Иное дело, что я предпочел бы и дальше навещать тебя в доме нашего друга Франка. В первую очередь потому, что здесь у меня слишком мало свободного времени. Единственное, на что его до сих пор хватало – так это на путешествия между Мирами. Да и то только потому, что при должном самоконтроле и правильно сформулированной персональной концепции времени можно провести в иной реальности несколько дней, а потом вернуться обратно всего через полчаса после того, как ушел. В саду у Франка мы с тобой могли трепаться сутками напролет. А тут такой номер не пройдет. В частности, через десять минут у меня совещание по вопросам очередного малозначительного изменения в законодательстве. Оно проводится с участием представителей Главной Королевской Канцелярии, а значит, его нельзя перенести. Сразу после – ежедневное занятие с младшими Магистрами, провести которое кроме меня некому. Потом рассмотрение срочных апелляций; его, собственно, можно отложить, но максимум до утра. Что было бы роковой ошибкой: мое завтрашнее расписание еще плотнее сегодняшнего. И каждый день примерно так. Чем дальше, тем меньше понимаю, почему во всех Орденах велась напряженная борьба за мантию Великого Магистра. На мой взгляд, это просто разновидность каторжных работ, причем в большинстве случаев приговор пожизненный. Я хотя бы срок заранее оговорил, и это был самый разумный поступок в моей жизни.

– Да уж, – посочувствовал я. – Одна надежда, что остальные Магистры Семилистника не врубаются в ужас происходящего. И наивно организуют какой-нибудь дурацкий заговор, в результате которого ты будешь вынужден преждевременно подать в отставку. Удивительно, кстати, что они до сих пор не

устроили переворот. Ты же на самом деле совершенно ужасный. Кого угодно достанешь.

– Поначалу и я втайне на это надеялся, – вздохнул сэра Шурф. – Но, увы, никаких шансов. Во-первых, общеизвестная часть моей биографии такова, что даже если бы я стал есть своих подопечных живьем, они бы решили, что могло быть и хуже. Во-вторых, на моей стороне Сотофа, и это делает невозможной саму идею сопротивления. А в-третьих, ужасен я, к сожалению, только с твоей точки зрения. Члены моего Ордена ее не разделяют – в сравнении с покойным Магистром Нуфлином я кажусь им идеальным начальством. Немного чересчур мягкосердечным, но с этим они готовы смириться.

– Тогда дело плохо. Впрочем, тебя, если верить Джуффину, даже горожане зачем-то полюбили, а это уже ни в какие ворота. Великий Магистр правящего Ордена – идеальный объект всеобщей ненависти, это же традиция, освященная веками! Куда катится мир?

Сэр Шурф только руками развел. Дескать, когда прикатится, тогда и разберемся.

– В любом случае, тебе следует знать, что я всегда в твоём распоряжении, – сказал он. – Насколько это физически возможно. По крайней мере, прислать мне зов ты можешь в любое время суток. Не стесняйся меня беспокоить и не бойся разбудить. Это, надеюсь, и так понятно, но некоторые вещи должны быть оговорены вслух. Просто для порядка.

– Ты крепко влип, – усмехнулся я. – Боюсь, в ближайшее время мне будет довольно трудно оставаться неназойливым.

– Поэтому и стараться не стоит. Кстати, ты говорил, что вчера весь день ходил, закутавшись в укумбийский плащ. Он сейчас при тебе?

– Да, а что?

– Не хотелось бы навязывать тебе свое мнение, но на твоём месте я бы надел его перед уходом, – вежливо сказал сэра Шурф. – Все-таки, при всем уважении к твоим первым успехам в искусстве изменения внешности, выглядишь ты не самым лучшим образом.

– А что со мной не так?.. Ай, ну конечно. Спасибо, что напомнил.

Я и правда совершенно забыл о своем маскараде. А развлекать прохожих в мои планы пока не входило.

Я достал из-за пазухи свернутый жгутом плащ, кое-как расправил его складки и уже собирался надеть, но Шурф меня остановил.

– Еще один вопрос, – сказал он. – Напоследок, чтобы закрыть тему. Твое явление в образе старой ведьмы, вещающей про сгинувший Кеттари, – это же, будем честны, не очень хорошая шутка. Совсем не остроумная. Обычно у тебя получается гораздо лучше. К тому же ты не мог не понимать, что я тебя узнаю. Тогда зачем?

– Да вот именно за этим, – улыбнулся я. – Чтобы ты меня сразу раскусил и поначалу глазам своим не поверил, потому что этого не может быть. А потом спросил, с какой стати я так глупо шучу. И раскритиковал все в пух и прах – начиная с качества бабкиных морщин и заканчивая помраченным состоянием моего рассудка. Чтобы стало как в старые добрые времена. Понятно, что всего на пару минут, но чтобы почувствовать под ногами твердую почву, вполне достаточно.

– Ну и как, почувствовал?

– Еще бы. До сих пор обеими ногами на ней стою. Подозреваю, что это пройдет, как только я покину твой кабинет, но во всяком случае я теперь точно знаю, куда возвращаться за столь прекрасным ощущением.

– Очень хорошо, – кивнул сэр Шурф. – Возвращайся.

Какую-то часть ненадолго обретенной твердой почвы я все-таки ухитрился захватить с собой. Во всяком случае, внезапно вернувшаяся способность ясно мыслить не оставила меня даже на улице, по которой я шел – такой же невидимый, как вчера, но уже полностью принадлежащий Миру. Потому что наконец твердо решил ему принадлежать. Я вернулся, и будь что будет.

А будет конечно же «интересно, ни хрена не понятно, и я посреди всего этого – самый крутой», спасибо Шурфу за формулировку. Очень смешная правда про меня, которая периодически приводила к совершенно ужасным последствиям. И наверняка еще не раз приведет. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я послал зов Джуффину и спросил:

«Если я два часа назад изменил внешность, соблюдая все твои вчерашние инструкции, когда это пройдет? Примерно?»

«Будь ты нормальным начинающим колдуном, от твоих усилий уже следа бы не осталось. А так даже и не знаю. Ты же у нас очень могущественный, хоть и неумелый. Можешь и до ночи в таком виде проходить. Если не дольше».

Отличный повод отложить явление меня народу Тайного Сыска как минимум до завтра. Соблазн был велик, но я устоял. Решил так решил, точка. И нечего тормозить.

«А процесс можно ускорить?»

«Можно, конечно. Приходи, покажу, как это делается».

«Приду, – сказал я. – И плащ Кофе отдам заодно».

«Чтобы лишить меня невинного удовольствия наврать ему про Шиншийского принца в старомодном лоохи? Всегда знал, что ты жестокий и мстительный человек».

«Именно, – подтвердил я. – Трепещи. Я приближаюсь».

Окно в кабинете Джуффина было распахнуто, и я конечно не смог удержаться от очередной дурацкой выходки, вскарабкался на подоконник, произведя при этом столько шума, словно был целым стадом беспредельно неуклюжих менкалов. А в финале звукового шоу сбросил плащ-невидимку. Наградой мне стало изумленное лицо Господина Почтеннейшего начальника Тайного Сыска. В отличие от сдержанного сэра Шурфа он не поленился продемонстрировать всю

гамму охвативших его чувств.

– Уже ради одного этого стоило возвращать тебя домой, – наконец сказал Джуффин. – Отныне я в твоей власти, сэр Макс. Не захочешь возиться со сновидцами – Магистры с тобой, забей. Начнешь пропускать совещания, я тебе слова дурного не скажу. Можешь вообще ничего не делать. Просто заходи иногда меня навестить. Этого совершенно достаточно для счастья.

– Надо же, какая благодарная бывает публика, – улыбнулся я. – А сэр Шурф сперва раскритиковал мою технику, а в финале спросил, с какой стати я вообще так глупо пошутил.

– Не просто глупо. Это, на мой взгляд, ярчайшее проявление безумия. И при этом даже ни намек на его запах. То есть с научной точки зрения ты как бы совершенно здоров. В голове не укладывается. Поразительный феномен! Загадка, над которой я могу безуспешно биться еще добрую сотню лет. Никто кроме тебя не способен настолько меня обескуражить. Давно забытое освежающее ощущение.

– А. Издеваешься, – сообразил я.

– Не без того. Но с восхищенным трепетом.

– Правильно ли я понимаю из вашей беседы, что это к нам пришел сэр Макс? – раздался голос свыше. То есть с верхней полки книжного шкафа, на которой удобно устроился Куруш.

– Ну да, – признался я.

– Люди, на мой взгляд, придают слишком большое значение своим нарядам, – укоризненно заметил буривах. – И при этом совершенно забывают приносить с собой угощение. Вот чего я никогда не пойму!

– Прости, – покаялся я. – В следующий раз непременно приду с пирожными.

– А когда наступит следующий раз? – взволнованно спросил Куруш. – Мне не придется ждать еще шесть лет?

- Не придется, - твердо пообещал я. - Я к вам надолго.

- Тогда ладно, - согласился буривах. И важно добавил: - Я беспокоюсь не столько о еде, которой у меня достаточно, сколько о соблюдении установившихся традиций.

Кто бы сомневался.

- Кстати, сэр Шурф совершенно напрасно придирался к твоей работе, - вдруг сказал Джуффин, все это время внимательно меня разглядывавший. - Отличная вышла старуха. Сколько времени на нее убил?

- Примерно полчаса. До Кофиных темпов мне пока далеко.

- Да, неблизко. Но для начинающего ты довольно быстро справился. Что, честно говоря, удивительно. Ты всегда легко учился сложным вещам и намертво застревал на пустяках. Даже камру варить толком так и не выучился. Несмотря на наши с Мабой нечеловеческие усилия.

- Просто у меня не было мотивации. Какой смысл возиться, когда можно в любой момент получить готовую, наилучшего качества? Да еще и кофе из Щели между мирами достать. Так что камра - не проблема. Зато все остальное...

- Что ты имеешь в виду?

- Всю остальную Очевидную Магию, которая теперь разрешена законом. Я же на самом деле очень мало умею, ты знаешь. Просто не успел выучиться. Вечно находилось что-нибудь более важное. И ты говорил: «Это ерунда, потом, успеется». И теперь на фоне бурно колдующих горожан я буду выглядеть довольно бледно. Плакала моя былая репутация. И твоя заодно. Все же знают, что я твой протеже. Внебрачный сын мятежного Магистра, собственноручно съеденного тобой живьем без соли, или сперва убитый, а потом воскрешенный демон-людоед с дальней окраины Вселенной - что там еще обо мне поначалу болтали? И вдруг такое позорище.

- Не преувеличивай, - отмахнулся Джуффин. - Нужным вещам я научу тебя очень быстро. А всему остальному... Да тоже могу, конечно. Но, честно говоря,

сомневаюсь, что ты захочешь выступить с фокусами на площади Побед Гурига Седьмого.

– Это, конечно, вряд ли. Но я предпочитаю не выступать с фокусами только потому, что этого не хочу. А не потому, что не умею. Существенная разница.

– Твоя правда, – внезапно согласился он. – Собственно, я и сам, когда перебрался в Ехо, не успокоился, пока не освоил кучу местных трюков, по большей части совершенно бесполезных. Просто чтобы не иметь ни одного слабого места, даже воображаемого. И с чего я взял, будто ты должен быть мудрее меня? Ладно, тогда готовься к тому, что я превращу твою жизнь в... – И он умолк, задумавшись.

– В ад? – подсказал я.

– Вообще-то я вспоминал, в каком из наших Орденов жизнь послушников была особенно невыносимой. Водяной Вороны? Или все-таки Решеток и Зеркал? Но ладно, ад так ад. Пусть будет, как ты хочешь.

У сэра Джуффина Халли всегда был легкий, сговорчивый характер. Этого у него не отнять.

Для начала он научил меня избавляться от ставшей ненужной маски. Это оказалось немногим сложнее, чем умываться. Но чтобы закрепить успех, мне приходилось снова и снова менять внешность. И это я, конечно, тоже делал сам. Никаких поблажек. Сказать, что с меня сошло семь потов, означало бы сильно приуменьшить трудности. Зато получалось у меня все быстрее и эффективнее. Под конец я был по-настоящему доволен результатом. И при этом совершенно забыл, зачем собственно явился в Дом у Моста. Даже не спросил, соберутся ли все наши на вечернее совещание, или мне придется ловить их поодиночке. Просто вылетело из головы.

Если в это трудно поверить, попробуйте, стоя перед зеркалом, максимально достоверно и технично нарисовать у себя на лбу любой воспроизведенный по памяти пейзаж, одновременно громко декламируя пословицы и поговорки на каком-нибудь малознакомом языке. Когда вам покажется, что вы уже неплохо справляетесь, начинайте повторять про себя таблицу умножения. Нет-нет-нет,

ни в коем случае не прекращая рисовать и декламировать. В том и соль.

И так хотя бы пару часов кряду. Без перерывов на перекур. Причем не потому что ваш суровый учитель запрещает сделать паузу в занятиях, а потому что вы сами не вспомните о такой возможности. Ибо – напоминая – вместо мыслей у вас в голове детали далекого пейзажа, иностранные поговорки и таблица умножения. Ну или, как в моем случае, новые, не вызубренные еще толком заклинания. Тоже не сахар.

Когда в кабинет Джуффина вошел сэр Кофа Йох, я как раз благополучно избавился от очередной фальшивой физиономии, на создание которой ушли мои последние силы. Даже немного жаль было с ней расставаться. Особенно с роскошным орлиным носом, из которого могло бы получиться отличное орудие убийства, так он был велик и остр. Собственный нос, невнятный и безобидный всегда казался мне совершенно неподходящим аксессуаром для физиономии человека, который вынужденно, по долгу службы притворяется могущественным колдуном. И, по идее, обязан выглядеть соответствующе.

Но ничего не поделаешь, надо – значит надо. Собрав волю в кулак, я отменил великолепный нос и все, что к нему прилагалось. И уже изготавился рухнуть в кресло, причитая: «Что ж я маленьким не сдох», – но не тут-то было. Дверь распахнулась, вошел Кофа и уставился на меня со смесью неодобрения и любопытства.

Вообще-то я ожидал, что он обрадуется. И даже открыл было рот, чтобы спросить: «Какого черта вы не восторге от чудесного возвращения такого прекрасного меня?» Но Кофа заговорил первым.

– Не самая удачная идея, – сказал он Джуффину. – Я, конечно, рад, что вы наконец перешли от слов к делу и отыскали нового сотрудника. И заранее не сомневаюсь в многочисленных достоинствах этого молодого человека, если уж на него пал ваш выбор.

На этом месте он умолк и отвесил мне поклон церемонный и одновременно иронический. Так старейшие придворные, заставшие еще деда нынешнего Короля, приветствуют молодых фаворитов, на которых делают тайные ставки, собираясь по вечерам в узком кругу ровесников: ну и сколько этот у нас продержится? Думаете, два года? Возможно, вы правы, но я буду снисходителен

к молодежи и поставлю на полдюжины лет. Ну что вы смеетесь, жизнь удивительная штука, еще и не такое бывает.

Все, что я мог сделать в такой ситуации, – вспомнить дыхательную гимнастику, которой меня в свое время изводил сэр Шурф Лонли-Локли, жестокий деспот, злодей, тиран и, вероятно, сатрап. Что бы ни означало это слово. Однако приходится признать, что практическая польза от его занудных вдохов и выдохов с лихвой окупает страдания ученической поры. То есть в какой-то момент вдруг обнаруживается, что дыхание действительно успокаивает. А спокойствие – это такое удивительное мистическое состояние, находясь в котором, можно делать немислимые вещи. Например, молча ждать дальнейшего развития событий. Очень долго! Иногда целую минуту.

Вот и сейчас я нашел в себе силы прикусить язык.

Джуффин, кстати, тоже помалкивал. И вид при этом имел вполне озадаченный. Ну или прикидывался таковым, кто его разберет.

– Однако придавать ему облик сэра Макса мне кажется совершенно нецелесообразным, – заявил Кофа. – Вы знаете, как высоко я ценю вашу изобретательность. И за годы совместной работы привык доверять вам настолько, что крайне редко выражаю вслух свое несогласие. Однако сейчас вы можете совершить роковую ошибку. Макс, хвала Магистрам, не покойник, а все равно его отсутствие – скверный повод для шуток. И этот мальчик, сам того не желая, окажется в положении самозванца, наступившего на такое множество мозолей, что пальцев на обеих руках не хватит сосчитать. Хотя, разумеется, его вины в этом нет. Любой на его месте выполнил бы распоряжение нового начальника, не задумываясь о последствиях.

С этими словами Кофа испытующе уставился на меня. Взгляд его постепенно становился все более благосклонным.

– А сама по себе работа очень неплохая, – наконец сказал он.

– О да, работа мастерская, – авторитетно подтвердил Джуффин. – С природой вообще мало кто может соперничать.

– С природой? – нахмурился Кофа. – Что вы хотите этим сказать?

– Ничего такого, чего не сможете сказать вы сами, если присмотритесь повнимательней. Как профессионал.

Кофа снова обернулся ко мне. Несколько секунд спустя, когда я почувствовал, что вот-вот начну дымиться от его пристального взгляда, он сказал:

– Дырку в небе над вами обоими. А я-то хорош! Нельзя даже посетовать, что вы меня провели. Сам справился.

– Вас можно понять, – заметил Джуффин. – Если бы я был знаком с собой так долго, как вы, я бы тоже вечно ждал подвоха.

– Вообще-то вы знакомы с собой еще дольше, – проворчал Кофа.

– Совершенно верно. Поэтому у меня для вас хорошие новости: еще лет пятьсот, и подвоха вы ждать перестанете. Я же перестал.

– Прости, сэр Макс, – сказал Кофа, заключая меня в объятия. – Надо было сразу тебе обрадоваться. Но меня, как видишь, сбили с толку. Сам представь: открываю дверь, Джуффин сидит с хитрящей рожей, и ты еще так подозрительно...

– Подозрительно похож сам на себя? – подсказал я.

– Подозрительно отворачиваешься от зеркала – руки на щеках, глаза мутные от переутомления, как у всякого новичка, только что закончившего работу над новым обликом, мне ли этого не знать. Только теперь сообразил, что это ты наоборот избавлялся от чужой рожи. Решил для начала прогуляться неузнанным? Очень хорошо тебя понимаю.

– Нет, просто он метит на ваше место, – ухмыльнулся Джуффин. – После того как я трое суток валялся у него в ногах, умоляя вернуться, сказал: «Ладно, но только Мастером Слышащим. Желая жрать в трактирах за казенный счет, и точка».

Кофа и бровью не повел.

– Отличная новость. Еще один помощник мне не помешал бы. Кекки в последнее время внезапно увлеклась светской жизнью, и толку от нее стало несколько меньше, чем хотелось бы. Но по-своему девочка совершенно права: житейский опыт должен быть как можно более разнообразным, иначе в один прекрасный момент останешься наедине со своими домыслами и фантазиями, которые наивно полагаешь знанием жизни.

– Вообще-то это была чудовищная клевета, – сказал я. – На бедного беззащитного сироту в моем лице. Я потрясен таким вероломством.

– Что совершенно не отменяет того факта, что от лишнего помощника я действительно не откажусь, – пожал плечами Кофа. – Так что подумай. Ты не представляешь, как у нас теперь готовят – после того, как серги Охолла и прочие ограничения на колдовство ушли в прошлое. И только не вздумай говорить, что уже все перепробовал. Места надо знать.

– Обойдетесь, – сурово сказал Джуффин. – Сэр Макс здесь не затем, чтобы жрать. А затем, чтобы спать. И видеть чужие сны.

– Тоже неплохо, – согласился Кофа. – Но знавал я великих людей, которым удавалось успешно совмещать эти непростые занятия.

Они бы, дай им волю, до ночи трепались. А я бы слушал и слушал. Ужасно соскучился, оказывается, по их пикировкам. А еще больше – по себе, слушающему Джуффина и Кофу с наслаждением, любопытством и тревогой: а ну как взаправду поругаются? Поди их разбери.

И вдруг оказалось, что старый добрый я – вот он, здесь, никуда не делся. Я бы обниматься с ним полез, но мое раздвоение личности, к сожалению, не зашло настолько далеко. Пока.

Что особенно прекрасно в старом добром мне – в отличие от нового, многоопытного и самодостаточного, он никогда не стеснялся обратиться за советом и помощью к старшим.

А в этом кабинете старших сейчас было целых две штуки, не считая задремавшего бузивуха. Грех не воспользоваться.

– Слушайте, – сказал я. – Ради вас обоих я готов на все, в том числе жрать и спать, не покладая рук. Можно одновременно. Если это сделает вас счастливыми – не вопрос, договоримся, в лепешку разобьюсь. Но только давайте сперва вы придумаете, как мне появиться перед всеми остальными. С чего начать новую жизнь? Хочется, чтобы шума вокруг меня было поменьше – вернулся и вернулся, эка невидаль. Давно пора. И чтобы Меламори не откусила мне голову на радостях.

– А может? – изумился Кофа.

– Может. – Джуффин ответил вместо меня. – Во-первых, голова сэра Макса вкусна и полезна для здоровья, это знают все амбициозные юные ведьмы. А во-вторых, он столько раз убедительно излагал леди Меламори причины, по которым при всем желании не может вернуться в Ехо, что теперь его появление будет выглядеть, скажем так, несколько бестактно. Я, признаться, совершенно упустил это из виду. Вечно забываю, что в их возрасте люди способны сердиться и обижаться всерьез. С другой стороны, подумаешь – ну голова, ну откусит. Новая отрастет.

– Чужими головами разбрасываться дело нехитрое, – укоризненно заметил я. – Но на самом деле, я же не только Меламори говорил, что никогда не вернусь. Сэр Мелифаро, конечно, вряд ли станет покушаться на мою жизнь. Нумминорих – тем более. У него вообще легкий характер. А все равно им обоим будет обидно, потому что выйдет, как будто я зачем-то им врал. Как будто они не друзья, а чужие люди. Это только сэр Шурф у нас святой. Буркнул, что мое возвращение кажется ему чрезвычайно досадным событием, но он вполне готов это как-нибудь пережить. Вот уж кому можно говорить правду и только правду, с утра до вечера. И, слушайте, есть же еще другие люди. Все мои знакомые, начиная с Хейлах и Хелви и заканчивая Его Величеством. Я вообще не представляю, что в Ехо думают о моем долгом отсутствии. Что вы им говорили? И как мне следует теперь себя вести? Что рассказывать, чтобы не завратиться до полного абсурда? Потому что говорить правду в моем случае было бы полным безумием. Да и не готов я продолжать быть человеком, с которым все это случилось. Пора бы мне от него отдохнуть.

– Желание понятное, – кивнул Джуффин. – Но, кстати, ты имеешь полное право загадочно помалкивать. Допрашивать тебя в любом случае никто не станет. У нас вообще не очень принято лезть в чужие дела. Разве что потихоньку собирать сплетни. Боюсь, ты этого не заметил, потому что связался со мной, а я –

прискорбное исключение из общего правила.

– Так, стоп, – сказал Кофа. – На мой взгляд, Макс совершенно прав. Во-первых, даже я сам вряд ли готов услышать все то, что он мог бы рассказать. А значит, и другим об этом знать ни к чему. А во-вторых, если есть хоть малейшая возможность избежать обид и прочих недоразумений, ее надо использовать. Просто ради экономии времени и остальных ресурсов. Где там мой укумбийский плащ? Надень-ка его, сэр Макс, и если кто-то зайдет, сиди тихо. Будем думать.

– По идее, никто сюда в ближайшее время не зайдет, – зевнул Джуффин. – Я всех разогнал. В смысле, отпустил по домам сразу после обеда. Благо в городе наконец-то ничего не происходит. Подозреваю, это сказывается благотворное влияние сэра Макса. Население о его возвращении пока не знает, но сердцем чувствует. Ну или задницей, кто чем. Вот и присмирели от греха подальше. Страшнее сэра Макса, как известно, Темного Магистра нет.

– Это пока они не знают, что я даже в модном полуметре над землей ходить не умею, – проворчал я. – И лучше бы никогда не узнали. Потому что все-таки позорище.

И закутался в плащ-невидимку. Кофу надо слушаться, это правило я когда-то, в самом начале жизни в Ехо, усвоил одним из первых и ни разу о том не пожалел.

– На самом деле, тут и думать особо не о чем, – объявил Кофа. – Что там сэр Макс будет рассказывать, а о чем молчать, это вы сами как-нибудь сочините. Но вернулся он конечно же не по собственной воле. Сам не понял, как это случилось. Раз – и тут. Например, проснулся, а за окном вместо привычного не пойми чего почему-то Ехо. Такая вот неожиданность. Ничего из ряда вон выходящего тут нет, подобных случаев история знает немало. В старые времена с колдуном, который ни разу не исчезал на пару дюжин лет, чтобы потом внезапно объявиться невесть откуда, никто и говорить всерьез не стал бы. Технические подробности для заинтересованной публики с вас, Джуффин, я в этой вашей так называемой Истинной Магии слабо разбираюсь. Зато я разбираюсь в людях. И ясно, что в такой ситуации у некоторых наших общих знакомых не будет ни единого шанса обидеться, что Макс не внял их уговорам вернуться домой. Зато вас, – он выразительно посмотрел на Джуффина, – почему-то послушался. И кстати, если Макс при этом сделает вид, будто помнит события последних лет, как позавчерашний сон, никто не станет напряженно ожидать, что он по секрету поведаст какие-то невероятные тайны. Мы же

понимаем, что в большинстве случаев дело вообще не в тайнах как таковых. А в демонстрации особого доверия.

– Какие все же смешные проблемы мы собрались решать, – ухмыльнулся Джуффин. – Но вы абсолютно правы. И теперь я понимаю, почему сэр Макс так упорствовал в своем желании оставаться невидимым. Надо было сразу обсудить это со мной, а не загадочно хмуриться, – сказал он мне. – Есть вещи, о которых я совершенно не беспокоюсь. Хотя бы потому, что на твоем месте был бы в восторге от возможности наврать с три короба каждому, кто пожелает слушать. Ах, какие это были бы прекрасные короба! Но это вовсе не означает, будто я не готов пойти навстречу человеку с иной позицией. По крайней мере, если этот человек – ты.

– Да я сам толком не понимал, что со мной творится, – признался я. – Пока сэр Шурф не объяснил. Он всегда точно знает, что меня беспокоит. Даже когда мне кажется, будто вообще ничего. Очень удобно. Поговорил с ним и понял: ясно, конечно, что как раньше уже не будет. Но хотелось бы, если возможно, позаимствовать из прошлого некоторые прекрасные вещи. Например, относительную простоту человеческих отношений. Без всех этих неозвученных догадок, таинственных намеков, интригующих недоговоренностей, потаенных обид и порожденного ими отчуждения. Я в этом вообще не разбираюсь. И учиться не хочу. Я прост, как деревенский пирог: вот я, вот моя начинка, и на этом все. То есть действительно все! Никаких дополнительных слоев, тончайших нюансов и внезапного послевкусия, наступающего тридцать лет спустя.

– О таких рецептах, чтобы послевкусие аж тридцать лет спустя приходило, я и не слышал, – покачал головой Кофа. – А ведь было бы чрезвычайно интересно. Жаль, что до сих пор никто не пробовал поработать в этом направлении.

– Не отвлекайтесь, – попросил я. – Давайте сперва спасем мою личную жизнь. А потом подумаем о пирогах.

– По-моему, ты кощунствуешь, – ухмыльнулся Джуффин. – О пирогах – и вдруг потом!

– Ваша школа, – проворчал Кофа. – Ваших учеников всегда отличало недопустимое пренебрежение к материальной стороне жизни. И сэр Макс, конечно, апофеоз вашей бесчеловечной педагогической системы. Даже камру

толком сварить не умеет. И ел всегда максимум дважды в день, если специально ему не напомнить. Как будто вся жизнь – одно сплошное ожидание момента, когда можно будет удрать на эту вашу Темную Сторону и там окончательно забыть о своей человеческой природе.

– Спасибо за высокую оценку, – поклонился Джуффин. – Если я и правда способен научить подобному отношению к жизни, я – великий педагог.

– Еще как способен, – вмешался я. – Например, сегодня я еще ни разу не завтракал. Об обедах уже и не говорю. И теперь близок к гибели, как никогда прежде. Надеюсь, эксперименты с моим воскрешением хоть немного скрасят ваш с Кофой вечер. Некоторые оживленные мертвецы очень забавно дергаются.

– Ты, наверное, думаешь, будто это хорошая шутка, – проворчал Кофа. – Но лично мне совершенно не смешно. Терпеть не могу столь легкомысленного отношения к своему здоровью.

– Действительно перебор, – согласился Джуффин. – Какой-то из ряда вон выходящий аскетизм.

Они еще долго меня отчитывали, пока не сообразили, что в сложившихся обстоятельствах разумней будет просто заказать обед из «Обжоры Бунбы» и закрыть вопрос.

Поднос с едой, кстати сказать, влетел в наше распахнутое окно без посторонней помощи. Я, гуляя по городу, уже не раз видел, как теперь доставляют еду на дом клиентам, но все равно остолбенел. А потом пожаловался:

– И даже этого я не умею! Хорош Тайный сыщик.

– Да, если захочешь в свободное от службы время подрабатывать мальчиком на побегушках в каком-нибудь приличном трактире, хрен тебя наймут, – пригорюнился Джуффин. – Ладно, научим. Что с тобой делать.

Поэтому наскоро покончив с едой, мне пришлось заняться этим грешным подносом. Сам напросился, некого винить. После получаса мучений мне удалось заставить поднос совершить показательный полет вокруг люстры. Еще

несколько минут спустя я аккуратно, не уронив ни одной пустой тарелки, посадил этот дистанционно управляемый летательный аппарат на стол. И наконец храбро отправил его в дальний рейс, на кухню «Обжоры». Некоторое время мы с Кофой затаив дыхание ждали, не прибежит ли мадам Жижинда, разгневанная внезапной кончиной своего лучшего повара, зашибленного этим грешным подносом. И только Джуффин с демонстративной безмятежностью курил в своем кресле. Его вера в меня была как всегда безгранична. И в этом вопросе он, как ни странно, тоже вечно оказывается прав.

Ну а потом я наконец вернулся в Ехо. В смысле, официально вернулся, условно проснувшись в башне Мохнатого Дома. И почти не врал, когда на следующий день говорил всем желающим прикоснуться к моим чудотворным мощам, будто сам толком не понимаю, как это получилось. Потому что перед этим Джуффин, уединившись со мной на правах озабоченного моим состоянием знахаря, почти всю ночь честно выполнял обещание научить меня самым популярным столичным фокусам. Так что на рассвете я уже умел ходить не только в полуметре над землей, но и по потолку. И при этом с большим трудом вспоминал свое имя, не говоря уже обо всем остальном. Таково губительное влияние Угуландской Очевидной Магии на мой ослабленный волнениями и ночным обжорством организм. Ужасная наука, не зря ее столько лет запрещали!

Под утро я едва удержался от искушения послать зов Великому Магистру Ордена Семилестника и на правах гибнущего друга потребовать отменить все эти новомодные либеральные поправки к Кодексу Хрембера на хрен – ради спасения моей жизни и рассудка. Причем взял себя в руки вовсе не из соображений здравого смысла и даже не из сострадания к спящему, а просто сообразив, что спросонок мало кто бывает сговорчив. И решил отложить разговор до завтра.

Но назавтра мне, конечно, стало не до того. Потому что началась жизнь. Не «старая», не «новая», а просто моя.

Кофа был совершенно прав, когда предложил представить мое возвращение в Ехо необъяснимым мистическим событием, произошедшим помимо чьей бы то ни было воли. Даже не понимаю, как я сам не додумался до такой простой штуки. Впрочем, с гениальными идеями вечно так.

В результате мне очень обрадовались и при этом ни о чем не расспрашивали. Хитрый Джуффин строго-настрого велел окружающим беречь мою хрупкую психику, якобы подорванную годами бесприютных скитаний по иным мирам, а в особенности злоупотреблением кофе, который он, по-моему, вполне искренне считает опасным колдовским зельем.

Хвала Магистрам, все сразу же поверили в необходимость щадить мои расстроенные нервы. Великое дело репутация. Похоже, все предыдущие годы мои близкие нетерпеливо ждали, когда я уже чокнусь от обилия не в меру интересных приключений, и теперь наконец с облегчением перевели дух: свершилось. Даже Меламори не стала задавать вопросов, а ведь как я этого опасался. Потому что помалкивать о некоторых вещах за прошедшие годы худо-бедно научился, но лжец из меня по-прежнему никакой.

Я, собственно, потому и не рванул к ней в первый же момент, что не хотел ни врать, ни говорить правду, которая ей совсем не понравится: как ни крути, а в Echo меня вернул Джуффин. Меламори хотела сделать это сама. И страшно злилась, что не знает даже, как подступиться к подобной задаче. На себя, меня и прочую Вселенную, которая с какого-то перепугу решила быть настолько сложно устроенной. Единственное, что ее немного утешало, – вернуть меня в Echo не мог вообще никто. Значит, не она одна такая никчемная неумеха.

И тут вдруг выясняется, что у Джуффина все получилось. Как всегда! Что ни делай, а все равно выше него не прыгнешь. И как после этого жить?!

Раньше я подобных проблем вообще не понимал. У меня в этом смысле счастливый характер: я ни с кем не соревнуюсь всерьез. Даже в карты играю скорее из интереса узнать, какие комбинации сложатся на этот раз, чем из желания победить соперника. А когда вижу человека, который знает и умеет больше, чем я, мне и в голову не придет огорчаться. Напротив, радуюсь: «Надо же, как бывает! Я тоже хочу». Поэтому мне всегда было легко учиться у друзей и дружить со своими учителями. И трудно отличить одних от других. С другой стороны – а зачем?

Что большинство людей устроены иначе, я понял сравнительно недавно. После того как научился внимательно их слушать, не отмечая непонятные мне мотивы как несущественные. Постоянное общение с могущественными колдунами, способными, в случае чего, не только закатить тебе сцену, но и испепелить взглядом – в прямом, не переносном смысле – способствует развитию уважения к

чужим особенностям. Даже тем, которые кажутся тебе заскоками.

Меламори в этом смысле оказалась прекрасным учителем. И взглядом, если что, испепелит, и заскоков у нее предостаточно. То есть конечно же особенностей. В частности, победить она хочет всегда, всех и во всем. Желательно, прямо сейчас. В крайнем случае, завтра. Но уж тогда пусть все до завтра сидят тихо и не напоминают ей бестактно о своем возмутительном превосходстве. Звучит смешно, но для Меламори это действительно очень важно. Может быть, вообще важнее всего на свете. Она и меня-то, на ее вкус несколько чересчур немислимого, терпит рядом только потому, что пару раз спасала мне жизнь. И, что еще важнее, однажды обогнала в гонках на амобилерах – после того, как я наконец догадался пощадить ее самолюбие и поддаться. Совсем чуть-чуть, потому что она же и правда отлично ездит. Отчаянная голова, а в таком деле это главное.

Поэтому сказать ей: «Сюрприз-сюрприз, Джуффин наконец-то притащил меня домой», – все равно, что дразниться: «Ты не смогла, а он смог!» Умом Меламори прекрасно понимает, что Джуффин вне конкуренции, с такими, как он, не соревнуются, а только благодарят судьбу, что посчастливилось жить с ними в одно время, да еще и учиться с утра до ночи, сколько хватит сил, но легче ей от этого не становится. И тут ничего не поделаешь. Сильных людей бесполезно перевоспитывать – если уж их сила решила, что ей угодно проявляться именно таким причудливым образом, значит, так тому и быть.

В общем, счастье для нас обоих, что Меламори не стала меня расспрашивать. Только и сказала: «Надо было не спорить с тобой, когда ты мрачно пророчествовал, будто никогда не сможешь вернуться в Ехо, а сразу заключать пари. Была бы сейчас богачкой».

Именно то, что надо.

И полудюжины дней не прошло, а я уже чувствовал себя в Ехо так, словно просто вернулся из отпуска, и незначительные перемены, произошедшие за время моего отсутствия, можно сосчитать по пальцам. Слезы восторга перестали то и дело наворачиваться на глаза, целовать в экстазе булыжники мостовых я больше не порывался, вместо того, чтобы пялиться на столичные новшества как ошалевший турист, я оглядывал их с хозяйским снисходительным одобрением:

молодцы, хорошо без меня поработали. Зато с неизменным любопытством косился на прохожих – а ну-ка, кто у нас тут настоящий, а кто сейчас дома спит? И по-детски радовался, встречая среди сновидцев знакомых, то есть тех, кого уже видел прежде и по какой-то причине запомнил. С рыженькой художницей, которая почему-то попадалась мне чаще прочих, даже здороваться начал; впрочем, она меня все равно не замечала – не то была полностью поглощена работой, не то я просто не помещался в ее сон. Если учесть, что сэр Мелифаро долгие годы дразнил меня Ночным Кошмаром, может, оно и к лучшему.

Я обедал четырежды в день, со всеми друзьями по очереди, устраивал для них вечеринки и сам ходил в гости, запоем читал старые номера «Суеты Ехо», казавшиеся мне сейчас самыми увлекательными в мире романами, разучил еще добрую сотню новых фокусов, чрезвычайно полезных для поддержания репутации могущественного колдуна и выступлений на детских утренниках, посетил поэтический вечер и с какого-то перепугу оперный спектакль, а ночами гулял по крышам Старого города, как самый настоящий бездомный кот, благо свежеприобретенные навыки бытовой левитации наконец-то лишили меня врожденного страха высоты. И ежеутренне скорбно сообщал Джуффину, что все еще не готов приступать к делам. Говорил: «Погоди, не торопи, мне сперва надо заново ко всему привыкнуть».

Врал, конечно, и мы оба это знали. Но Джуффин, вопреки обыкновению, милосердно делал вид, будто не только верит, но и сочувствует мне всем сердцем.

Было бы кому сочувствовать. Если бы в те дни в Соединенном Королевстве объявили конкурс на самого счастливого и безмятежного празднующегося бездельника, ходить бы мне в победителях. Прежние сомнения и тревоги вспоминал теперь как сон, причем даже не то чтобы страшный. Почти смешной.

Я вообще очень быстро привыкаю к новым обстоятельствам. А то, к чему невозможно привыкнуть, просто принимаю как должное. В моем положении – совершенно незаменимое свойство.

Одна из тех вещей, к которым совершенно невозможно привыкнуть и даже принимать как должное довольно затруднительно, – это, конечно, размеры Мохнатого Дома. Когда-то он был университетской библиотекой, но потом

Королевский Университет разросся, и однажды начальство подсчитало, что если все шесть тысяч студентов вдруг одновременно захотят засесть в читальных залах, им не хватит мест. Я почти уверен, что ситуацию можно было бы спасти парой дюжин дополнительных стульев, но библиотекари предпочли переехать в новое здание, раза в четыре больше. Рассказывают, что это позволило им установить в некоторых читальных залах диваны для любителей читать лежа; с тех пор я умираю от зависти к столичным студентам. Не то чтобы кто-то запрещал мне валяться с книжкой у себя дома, но это, как мы понимаем, совсем не то.

В общем, библиотека переехала, и какое-то время Мохнатый Дом пустовал, поскольку являлся собственностью Короны, а Его Величество Гуриг Восьмой обычно не слишком активно занимается сдачей своей недвижимости в аренду. То ли потому, что и без дополнительных приработков считается самым богатым монархом Мира, то ли просто руки не доходят. У меня бы на его месте тоже не дошли, королевская жизнь – не сахар. А тяжелый физический труд. Одни только парадные утренние одевания чего стоят. Когда я в свободное от основной службы время подрабатывал царьком-самозванцем кочевого народа Хенха, и то волком выл, а ведь всего-то хлопот было – пережить пару-тройку официальных приемов в год и мужественно терпеть насмешки коллег все остальное время. Меня даже переодеваться ради встречи с подданными не заставляли. И никаких придворных на шею не посадили. Царствуй – не хочу.

Собственно, именно тогда мне и достался Мохнатый Дом. Он оказался отличной приманкой: я совершенно не собирался лезть в эту нелепую политическую авантюру и упирался как мог, но увидев свою будущую «царскую резиденцию», тут же согласился на все. Очень уж мне понравился дом, от земли до самой башенки увитый буйной ползучей растительностью, а иного способа там поселиться не было. И только заполучив вожделенную недвижимость, я осознал свою ошибку. Сразу можно было сообразить, что здание, которое немного маловато для шести тысяч студентов, окажется слишком велико для одного не очень крупного меня. Не рвущегося, к тому же, обзавестись толпой домочадцев.

С домочадцами меня тогда отчасти выручили подданные-кочевники, навязавшие мне трех девчонок, сестер-близнецов, из которых получились отличные фиктивные жены дикого варварского царька, а со временем – прекрасные друзья. От кочевников же мне достался огромный мохнатый пес по имени Друппи, а от Его Величества – целое полчище отлично вышколенных слуг и банда поваров-отравителей, производящих самую невкусную еду в Соединенном

Королевстве, не со зла, а просто педантично следуя старинным дворцовым рецептам.

Я тоже сделал небольшой, но весомый вклад в увеличение числа обитателей Мохнатого Дома, поселив здесь кота Армстронга и кошку Эллу, таких здоровенных, толстых, шумных и непоседливых, что они, по идее, должны были заполнить собой все пространство. Но с Мохнатым Домом этот номер не прошел, хищники мои растворились в нем, как в джунглях, спасибо хоть пожрать в гостиную иногда приходили, а то бы я вообще забыл, что они у меня есть.

Это, собственно, касается и остальных домочадцев. Всякий, кто не обзавелся привычкой регулярно объявляться в общей гостиной и оставлять там явные и недвусмысленные свидетельства своего существования, может быть сочтен пропавшим без вести. В некоторых случаях это довольно удобно, но чаще просто обескураживает.

О дворцовых слугах, приставленных Его Величеством присматривать за домом – один из тех Королевских подарков, отказаться от которых при всем желании невозможно – я вообще постоянно забываю и до сих пор всякий раз вздрагиваю, случайно сталкиваясь с ними в коридорах. Хорошо хоть в голос не ору, но знали бы вы, каким напряжением воли мне это дается.

Потратив несколько лет на попытки приспособиться к Мохнатому Дому, я окончательно убедился, что толком обжить его невозможно, но и разлюбить уже не получится. И вопреки здравому смыслу оставил его за собой после того, как мое недолгое царствование завершилось заранее запланированным отречением от престола. Потому что как ни крути, а дом, в коридорах которого можно всерьез заблудиться, а для путешествия с этажа на этаж имеет смысл запастись бутербродами – идеальное жилье для вечного бродяги вроде меня. Неудобное, зато точное и правдивое, а у меня слабость к хорошим метафорам.

К моменту моего возвращения Мохнатый Дом практически опустел. Постоянно там находились только Армстронг, Элла и толпа слуг, вынужденно посвятивших свои дни непрерывным погоням и, в случае редких удач, уходу за окончательно одичавшими на необъятных просторах кошками.

Пес Друппи, который в былые времена с удовольствием возводил домашний шум и бардак в непревзойденную степень, затосковал без меня и поселился со своим

лучшим другом Дримарондо, говорящей собакой, чьим хозяином когда-то формально считался сэр Шурф Лонли-Локли. Однако после того, как Дримарондо с помощью приятелей-студентов, по очереди писавших под его диктовку, защитил блестящую диссертацию о родстве наиболее часто используемых ритмов современной угуландской поэзии с древними заклинательными песнопениями драххов и получил официальное приглашение читать соответствующий курс в Королевском Университете, подобная постановка вопроса окончательно стала невозможна для обоих. Дримарондо, по словам Шурфа, даже настоял на том, чтобы оплачивать из своего профессорского жалованья еду и аренду старого заброшенного дома с садом на Левобережье – неплохой ход для бывшей вечно голодной дворняги из графства Хотта. Совершенно невозможно было ему отказать, как и всякому разумному существу, стремящемуся к независимости, пусть даже несколько демонстративной.

Одну из сестричек, леди Кенлех, давным-давно сманил из дома сэр Мелифаро, всегда готовый заботливо избавить друга от лишней жены. А от двух других, Хейлах и Хелви, меня практически избавила леди Сотофа Ханемер. То есть она просто согласилась учить их магии, но подобные занятия обычно неважно сочетаются с домоседством. То превратишься сдуру в нечто не совсем антропоморфное, то с Темной Стороны вернешься на пару лет позже, чем планировал, то в ином Мире проснешься в чужой пижаме и полной уверенности, что так было всегда. Ну, то есть с девочками ничего такого пока, хвала Магистрам, не случилось, но внутренняя готовность к подобному повороту событий воспитывается загодя и меняет человека целиком.

Ну и дома они стали бывать гораздо реже, даже момент моего возвращения пропустили. Объявились только через несколько дней, когда я сам уже настолько привык к заново начатой жизни в Ехо, что в первую минуту даже не сообразил, чему они так бурно радуются.

Впрочем, когда у вас на шее, нечленораздельно вереща от счастья, висят сразу две прекрасные девицы, причина их восторга довольно быстро перестает казаться важной. Лишь бы и дальше оставались довольны. И при этом, если возможно, перестали колотить ногами по коленям, щипать до синяков и целовать в разные малоподходящие для этого места – например в глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

На этом месте автор внезапно понял, что внятно пересказать краткое содержание предыдущих серий, то есть восьми томов цикла «Лабиринты Ехо» и еще восьми «Хроник Ехо» в формате пояснительной сноски без применения триста семнадцатой ступени Очевидной Белой Магии решительно невозможно. А потом вспомнил, что наивысшая возможная ступень – всего лишь двести тридцать четвертая. К тому же овладевших ею колдунов за всю обозримую историю Мира можно пересчитать по пальцам. Поэтому читателю придется или самому перечитать эту кучу книг, или просто не париться. Тем более для того, чтобы не париться по пустякам, вполне достаточно всего-навсего семнадцатой ступени Белой Магии; это как раз довольно простой фокус, напомните как-нибудь на досуге, я вас научу.

2

Это действие, полностью изменившее Мир и сделавшее его привлекательным для сновидцев, проделал сэр Нумминорих Кута, принужденный к тому обстоятельствами, подробно описанными в повести «Тубурская игра».

Купить: <https://tellnovel.com/maks-fray/master-vetrov-i-zakatov-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)